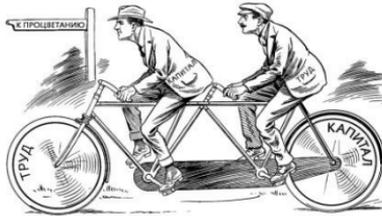

Людвиг фон Мизес

ЛИБЕРАЛИЗМ LIBERALISMUS

Ludwig von Mises

В 2024 г. вышло новое издание книги
Людвига фон Мизеса «Либерализм».

В него включены вступительная статья А. Куряева и
предисловия Л. Спадаро и Б. Бьен-Гривз.

Три содержащиеся в этом файле статьи Л. фон Мизеса
заменены фрагментами из сочинений представителей
нового либерализма начала XX в. Г. Самуэля и Л. Гобхауса
и рецензией на «Либерализм» Л. фон Мизеса, написанной
немецким социологом Л. фон Визе.

Кроме того, для удобства цитирования предложена
система нумерации абзацев.

Новое издание можно купить в интернет-магазине

sotsium.ru

Ludwig von Mises

LIBERALISMUS

Людвиг фон Мизес

ЛИБЕРАЛИЗМ

Москва • Челябинск

УДК 32.001
ББК 65.0
М57

Перевод с английского и комментарии: А. В. Куряев

Мизес, Людвиг фон

М57 Либерализм / Людвиг фон Мизес ; пер. с англ. и комментарии
А. В. Куряева. — Челябинск : Социум, 2019. — 299 с.

ISBN 978-5-91603-089-1

Единственное систематическое изложение принципов либерально-го устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики. Демонстрирует тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. Автору удалось развеять множество сомнений и недоразумений, возникавших при обсуждении социальных и политических проблем, а также касающихся либеральной доктрины.

УДК 32.001
ББК 65.0

ISBN 978-5-91603-089-1

© ООО «ИД «Социум», 2019

О г л а в л е н и е

Предисловие автора к английскому изданию	viii
Введение	1
1. Либерализм	1
2. Материальное благополучие	4
3. Рационализм	5
4. Цель либерализма	8
5. Либерализм и капитализм	10
6. Психологические корни антилиберализма	14
Глава 1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	20
1. Собственность	20
2. Свобода	22
3. Мир	25
4. Равенство	30
5. Неравенство богатства и доходов	33
6. Частная собственность и этика	36
7. Государство и правительство	37
8. Демократия	42
9. Критика доктрины силы	45
10. Аргументы фашизма	50
11. Граница деятельности правительства	55
12. Веротерпимость	59
13. Государство и антиобщественное поведение	61
Глава 2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	64
1. Организация экономики	64
2. Частная собственность и ее критики	68
3. Частная собственность и государство	72
4. Неосуществимость социализма	75

5. Интервенционизм	81
6. Капитализм: единственно возможная система общественной организации	91
7. Картели, монополии и либерализм	97
8. Бюрократизация	103
Глава 3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	113
1. Границы государства	113
2. Право на самоопределение	116
3. Политические основы мира	118
4. Национализм	126
5. Империализм	130
6. Колониальная политика	134
7. Свободная торговля	139
8. Свобода передвижения	146
9. Соединенные Штаты Европы	152
10. Лига Наций	158
11. Россия	161
Глава 4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	165
1. «Доктринерство» либералов	165
2. Политические партии	168
3. Кризис парламентаризма и идея конгресса, представляющего особые интересы	181
4. Либерализм и партии особых интересов	186
5. Партийная пропаганда и партийная организация	191
6. Либерализм как «партия капитала»	195
Глава 5. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА	201
Приложения	207
1. Литература о либерализме	207
2. О термине «либерализм»	211

СТАТЬИ

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	217
I. Мысль и поведение	217
II. Социальная роль доктрин	219
III. Опыт и социальные доктрины	221
IV. Доктрины и политические проблемы	224
V. Целесообразность доктрин	231
VI. Эзотерические доктрины и популярные верования	232
ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ	234
СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ	246
Комментарии	265
Предметный указатель	281

СТАТЬИ

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

I. МЫСЛЬ И ПОВЕДЕНИЕ

Ранние историки занимались изучением только деяний и подвигов королей и воинов. Они почти не обращали внимания на медленные изменения социально-экономических условий. Их не интересовала эволюция доктрин, убеждений и умонастроений. Даже такое беспрецедентное событие, как распространение христианства, не упоминается историками первых двух веков [нашей эры].

Около 120 лет назад возник новый подход к истории. История культуры стала изучать эволюцию социальных, политических и экономических институтов, развитие технологии и методов производства, изменения в образе жизни, традициях и обычаях. Эти исследования неизбежно должны были привести к открытию, что человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений, владеющих их разумом. Помимо разума в человеческой истории нет ничего реального и материального. Главными проблемами исторического исследования являются изменения в учениях, во власти которых находится человек. Обычай и институты являются продуктом разума.

Будучи животным, человек должен приспосабливаться к природным условиям земного шара или той местности, где он живет. Но это приспособление есть работа мозга. В географических интерпретациях истории этот решающий момент не признается. Среда действует только через посредство человеческого разума. На той же самой земле, где белые поселенцы создали современную американскую цивилизацию, аборигенам-индейцам даже не удалось изобрести колесо и повозку. Природные условия, которые делают лыжи весьма полезным средством передвижения, присутствовали и в Скандинавии, и в Альпах. Но скандинавы изобрели лыжи,

а жители Альп — нет. На протяжении сотен, даже тысяч лет долгими зимними месяцами альпийские крестьяне сидели запертыми в своих домах и с вожделием смотрели в сторону недоступных деревень, лежащих в долине, и неприступных хуторов своих соседей-фермеров. Но это желание не пробудило в них изобретательского духа. Когда 40—50 лет назад горожане привезли в горы лыжи для занятий спортом, местные жители поначалу издевались над казавшейся им смешной игрушкой. И лишь много позже они осознали, насколько эти «игрушки» могут быть им полезны.

Теории общей среды, разработанные социологами XIX в., столь же несостоятельны, как и теории природной среды. Все люди испытывают влияние социальных и культурных условий окружения, в котором они живут и работают. Но эти институты и условия сами являются продуктом доктрин, управлявших поведением предшествующих поколений. Они сами требуют объяснения. Отсылка к институтам и условиям не может заменить объяснения. Тэн был прав, когда, изучая историю искусства, обращался к окружению, в котором художники и поэты создавали свои произведения. Но общая история должна идти дальше. Она не должна молчаливо принимать условия среды как не поддающиеся дальнейшему анализу исходные данные.

Мы не собираемся отрицать, что условия, в которых живет человек, оказывают влияние на человеческий разум. Говоря о том, что мы должны считать мысли человека конечным источником человеческого поведения, мы не утверждаем, что разум есть нечто неделимое и конечное, вне которого ничего не существует, или нечто, не подверженное ограничениям материальной вселенной. Мы не касаемся метафизических проблем. Мы просто должны учесть тот факт, что на нынешнем этапе развития знания мы не можем объяснить, как внутренний человек реагирует на внешние события. Разные люди и одни и те же люди в разные моменты времени на один и тот же стимул реагируют по-разному. Почему одни люди молились идолам, а другие предпочитали умереть, но не совершить акт идолопоклонства? Почему, для того чтобы править Францией, Генрих IV¹ перешел

в другую веру, а его потомок граф Шабмор отказался поменять белый флаг с геральдической лилией на триколор, хотя знал, что тем самым теряет корону Франции²? Невозможно найти ответы на эти вопросы, не обращаясь к идеям, управляющим человеческим поведением.

Абсолютно неверны и различные варианты весьма популярной марксистской материалистической интерпретации истории. Состояние технологии и производительных сил является скорее продуктом работы разума, нежели фактором, определяющим состояние разума. Тот, кто пытается объяснить мысли чем-то, что само является результатом человеческих идей, просто движется в круге. Очевидная истина, что человек должен приспособливаться к природным условиям мира, в котором он живет, никак не может служить подтверждением наивного и грубого материализма метафизики Маркса. Это приспособление осуществляется мыслью. Почему африканцы не обнаружили способов борьбы с микробами, угрожающими их жизни и здоровью, и почему европейские ученые открыли эффективные методы борьбы с этими болезнями? Никакой материализм не даст удовлетворительного ответа на этот вопрос.

II. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ДОКТРИН

Наука не может дать исчерпывающего объяснения всему. Каждая отрасль знания останавливается перед некоторыми данными фактами, которые она должна рассматривать — по крайней мере в данный момент, но, возможно, и всегда — как конечные, далее которых она пойти не может. Эти конечные факты просто даны нашему опыту, их невозможно свести к другим фактам или силам, они необъяснимы. Мы даем им названия, например «электричество» или «жизнь», но должны признать, что не знаем, что такое электричество или жизнь, тогда как мы знаем, что такое вода или гром. Для истории такой конечной данностью является индивидуальность. Рано или поздно любое историческое исследование достигает точки, в которой оно не может объяснить факты иначе, как указав на индивидуальность.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что всякая индивидуальность в любой данный момент времени является продуктом своего прошлого. Обладая при рождении определенным набором врожденных качеств, человек приносит в мир осадок всей истории своих предков, их судьбы и превратностей их жизни. Мы называем это биологической наследственностью или расовыми характеристиками. На протяжении жизни человек постоянно испытывает влияния среды, в которой живет, как природного, так и социального окружения. Но мы не можем объяснить, как все эти факторы воздействуют на его мысли. Всегда остается нечто, что мы не можем подвергнуть дальнейшему анализу. Мы не можем объяснить, почему Декарт стал великим философом, а Аль Капоне — гангстером. Последнее, что мы скажем: индивидуальность. *Individuum est ineffabile*³.

Изучая доктрины, их происхождение, развитие, логические следствия и функционирование в обществе, мы не утверждаем, что они являются конечной данностью. Доктрины не имеют собственной жизни, они — продукт человеческой мысли. Они — часть Вселенной, и мы можем предполагать, что ничто в их истории не позволяет считать их исключением из законов причинности. Но мы должны понимать, что нам не известно ничего, равным счетом ничего, о том, каким способом человек создает или производит идеи и умонастроения. Только в этом смысле мы имеем право называть доктрины конечными фактами.

Мы можем предположить, что одни доктрины помогают человеку в борьбе за жизнь, а другие — приносят вред. Одни доктрины укрепляют общественное сотрудничество, а другие — ведут к дезинтеграции общества. Но ничто не дает нам права считать, что разрушительные доктрины должны обязательно потерять свой престиж из-за того, что ведут к пагубным последствиям. Разум выполняет биологическую функцию; он является важнейшим орудием человека в его приспособлении к природным условиям жизни. Но было бы ошибкой считать, что живые существа всегда должны добиваться успеха в борьбе за жизнь. Множество видов растений и животных исчезло по причине того, что их усилия

приспособиться не увенчались успехом. Многие расы и народы вымерли, общества и цивилизации распались. Природа не предохраняет человека от увлечения пагубными идеями и создания гибельных доктрин. Тот факт, что доктрина была разработана и ей удалось обрести множество сторонников, не является доказательством, что она не является деструктивной. Доктрина может быть современной, модной, может получить всеобщее признание, но тем не менее быть вредной для человеческого общества, цивилизации и выживания.

Мы должны изучать историю доктрин, потому что только она дает нам ключ к пониманию социальных, экономических и политических изменений.

III. ОПЫТ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДОКТРИНЫ

В естественных науках, особенно в физике, мы имеем возможность применять экспериментальный метод. В лабораторных условиях ученый изолирует различные условия изменения и наблюдает за их действием. Любое утверждение может быть подтверждено или опровергнуто экспериментом.

В области наук о человеческом поведении мы не можем прибегнуть к экспериментальному методу и не можем ставить эксперименты. Любой опыт является опытом сложных событий. Мы не имеем возможности наблюдать за действием только одного фактора при прочих равных условиях. Поэтому опыт не может ни подтвердить, ни опровергнуть наши утверждения и теории, относящиеся к социальным проблемам.

То, что ни одна страна не достигла сколько-нибудь высокой стадии развития цивилизации без частной собственности на средства производства, является неопровержимым фактом. Но никто не готов утверждать, что опыт доказал: частная собственность является необходимым и неотъемлемым условием цивилизации. Социально-экономический опыт не учит нас ничему. Факты необходимо комментировать при помощи наших теорий, они открыты для различных объяснений и выводов. Любая дискуссия, касающаяся смысла исторических фактов, очень скоро сводится к рассмотрению априорных теорий и исследует их без всякой

ссылки на опыт. Эти теории имеют логический приоритет, они предшествуют историческому опыту, и мы схватываем смысл опыта только с их помощью.

Теории и доктрины, правильные и неправильные, способствующие или мешающие выживанию, не только руководят поведением людей, но и одновременно являются инструментами, при помощи которых мы воспринимаем их действие в истории. Мы не можем наблюдать социальные факты иначе, как в свете, в котором их показывают наши теории и доктрины. Один и тот же комплекс событий поворачивается разными гранями в зависимости от того, под каким углом зрения его рассматривает наблюдатель.

Некоторые очень модные течения совершенно исказили эти проблемы. Позитивизм, эмпиризм и историзм считали, что социальные факты можно устанавливать таким же образом, каким физика устанавливает физические факты. (Мы не будем здесь рассматривать влияние новейших открытий, которые дают нам основания считать, что и физикам придется признать, что результаты наблюдения различаются в зависимости от способа наблюдения. Представляется преждевременным делать какие-либо выводы из работ Броглия, Гейзенберга и других современных ученых.) Они считают, что факты не зависят от идей наблюдателя и что социальный опыт логически и во времени предшествует теориям. Они не понимают, что действием, посредством которого мы выхватываем какие-то случаи из потока событий и считаем их определенными фактами, неизбежно руководит наше теоретическое понимание или, как предпочитают говорить некоторые, наши доктринальные предубеждения. Почему мы считаем платежный баланс США фактом и почему мы не обращаем внимания на платежный баланс штата Мэриленд, или города Бостон, или района Манхэттен? Почему, изучая проблемы денежного обращения Германии, мы рассматриваем состояние платежного баланса Германии? Потому что в своих исследованиях экономист, идущий этим путем, руководствуется вполне определенной (и, я должен отметить, ошибочной) теорией денег.

Статистик заблуждается, когда считает, что он исследует только чистые факты. Статистик пытается обнаружить корре-

ляцию между различными рядами цифр, когда его теоретическое рассуждение позволяет ему предполагать, что между ними может существовать причинная связь. В отсутствие таких теоретических допущений он не обращает никакого внимания даже на очевидные корреляции и в то же время сразу пытается доказать существование корреляции, когда его заранее составленная теория постулирует такую корреляцию. Дживонс считал, что ему удалось доказать корреляцию между экономическими кризисами и солнечными пятнами. С другой стороны, ни один статистик не пытался обнаружить корреляцию между числом аистов и рождаемостью.

В жизни и реальности все связано со всем. История — это постоянный поток событий, спутанных в единую структуру. Ограниченность наших умственных сил не позволяет нам схватывать их как целое в одном акте восприятия. Мы должны анализировать их шаг за шагом, сначала изолируя небольшие детали и постепенно переходя к изучению более сложных проблем. Действие, посредством которого мы изолируем некоторые изменения из целостного контекста потока жизни и рассматриваем их как факты, не является функцией реальности. Это результат работы нашего разума. В сфере общественных наук чистых фактов не существует. То, что мы полагаем фактами, всегда есть результат способа, которым мы смотрим на мир. Сверхчеловечески совершенный интеллект на те же самые вещи смотрел бы иначе. Из XX в. на те же вещи мы смотрим иначе, чем смотрели Платон, Фома Аквинский или Декарт. Наши факты отличны от их фактов, а факты людей, которые будут жить через сто лет после нас, также будут другими.

Факты общественной жизни представляют собой часть реальности, воспринятой человеческим интеллектом. Факт содержит в себе не только реальность, но и в не меньшей степени — разум наблюдателя.

Изолированная цифра или изолированный ряд цифр означает ничего. Ничего не означает и любой другой изолированный факт, такой, как «Брут убил Цезаря». Объединение утверждений об изолированных фактах не углубляет нашего понимания и не заменяет теорий и философских учений. Но любая попытка объединить различные факты — путем

установления корреляции или другим методом — является результатом наших теорий и доктрин. В контексте разных доктрин одни и те же события приобретают различный смысл. Если люди не достигли согласия по поводу теорий, то для них один и тот же опыт, одни и те же факты выглядят совершенно по-разному. Опыт русского большевизма не одинаков с точки зрения либералов (в старом смысле этого термина) и социалистов, свободных мыслителей и католиков, нацистов и славянских националистов, экономистов и любителей кино. То же самое относится и к американскому Новому курсу, падению Франции, Версальскому договору и ко всем остальным историческим фактам. Разумеется, каждая партия убеждена, что только ее интерпретация правильна и соответствует фактам и что все остальные мнения совершенно ошибочны и основаны на ложных теориях. Но конфликт доктрин невозможно разрешить, заставляя молчать тех, кто имеет другие идеи. Партия, которой удастся сделать единственно законным только свое мнение и поставить вне закона все остальные мнения, не меняет характерные черты своей системы взглядов. Доктрина остается доктриной, даже когда она признана всеми и никем не оспаривается. Она может являться ошибочной, даже если ни один современник не подвергает ее сомнению.

Для того чтобы расширить наши знания в области человеческого поведения, мы должны изучать, с одной стороны, проблемы праксиологической и экономической теории, а с другой стороны — историю. Но в центре изучения истории находится изучение развития идей и доктрин. Первым шагом любой попытки исследовать социальные, политические или экономические изменения должно являться изучение изменений в идеях, которыми руководствуются люди, осуществляющие эти изменения.

IV. ДОКТРИНЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы, которые приходится решать политикам, создаются не природой и природными условиями, они определяются взглядами людей на общество.

В XVI—XVII вв. существовали религиозные проблемы, удовлетворительное решение для которых, казалось, найти невозможно. В то время у людей не могла возникнуть идея, что люди разных конфессий могут мирно жить в одной стране. В ходе войн за установление религиозного единообразия были пролиты реки крови, процветавшие страны опустошены, цивилизации разрушены. Сегодня этот вопрос не представляет для нас никакой проблемы. В Великобритании, США и многих других странах католики и протестанты различных конфессий общаются и сотрудничают друг с другом, не испытывая никаких моральных неудобств. Проблема была решена. Она исчезла с изменением доктрин, относящихся к определению задач гражданского правительства.

Но, с другой стороны, появилась новая проблема — проблема сосуществования разных языковых групп на одной территории. Сто лет назад это не составляло проблему, не угрожает эта проблема и США. Но для Центральной и Восточной Европы это весьма взрывоопасный вопрос. Американцам трудно понять, что это вообще может являться проблемой, потому что они незнакомы с доктринами, которые создают из этого проблему.

Однако нельзя недооценивать великие политические проблемы, являющиеся причиной конфликтов, войн и революций, и объявлять их всего лишь кажущимися. Они не менее реальны и подлинны, чем любые другие проблемы человеческого поведения. Они порождены всей структурой идей и рассуждений, которой руководствуется политика сегодняшнего дня. Они по-настоящему существуют в социальной среде, которая создается этими доктринами. Их невозможно разрешить с помощью простых рецептов. Когда-нибудь эти проблемы могут исчезнуть вместе с исчезновением всей структуры идей, которые их создают.

Мы должны разделять политические и технологические проблемы. Приспособление человека к природным условиям жизни является результатом его изучения природы. Теологи и метафизики могут говорить, что естественные науки неспособны разгадать все тайны мира и дать ответы на фундаментальные вопросы бытия. Но никто не может

отрицать, что естественным наукам удалось улучшить внешние условия человеческой жизни. То, что сегодня на Земле живет больше людей, чем сотни и тысячи лет назад, и что любой житель цивилизованной страны наслаждается гораздо большим комфортом, чем предшествующие поколения, является доказательством полезности науки. Каждая успешная хирургическая операция противоречит скептицизму изоциркованных ворчунов.

Но научные исследования и применение полученных ими результатов в борьбе за человеческую жизнь могут осуществляться только в обществе, т.е. в мире, где люди сотрудничают в условиях разделения труда. Общественное сотрудничество является продуктом мышления и разума. Считать это божьим даром или природным феноменом можно только постольку, поскольку мы должны понимать, что способность мыслить является природным оснащением человека. Надежащим образом пользуясь этими способностями, человек создал технологию и общество. Прогресс естественных и общественных наук, развитие технических навыков и общественного сотрудничества неразрывно взаимосвязаны. И то и другое является продуктом разума.

Нет нужды подробно останавливаться на том, что существуют проблемы, которые естественные науки не в силах разрешить. В той мере, в какой работают лабораторные экспериментальные методы, естественные науки способны получать утверждения, которые можно считать неоспоримыми фактами. Естественные науки продвигаются вперед методом проб и ошибок. То, что в результате лабораторных экспериментов удается получить ожидаемые результаты, и то, что механизмы работают так, как нам нужно, является подтверждением (верификацией) корпуса нашего физического знания, не подлежащего сомнению.

Но в области общественных наук мы не можем воспользоваться преимуществами экспериментального метода. Мы должны повторять этот факт снова и снова, потому что значение этого факта невозможно переоценить, а также потому что он полностью игнорируется современной эпистемологией и экономической наукой. Теории, которые создают

и разрушают общественное сотрудничество, можно доказать или опровергнуть только путем чистого рассуждения. Их нельзя просто подвернуть экспериментальной проверке.

Это полностью объясняет, почему создается впечатление, что конфликт социальных доктрин разрешить невозможно. Когда вместо теории флогистона Лавуазье предложил более подходящую теорию, то поначалу он натолкнулся на упорное сопротивление сторонников старой теории. Но сопротивление прекратилось очень скоро и навсегда. Лабораторные эксперименты и применение новой теории в технологиях положили ему конец. Но невозможно провести подобную проверку с целью подтверждения великих экономических достижений Юма, Рикардо и Менгера. Их необходимо испытывать посредством абстрактного рассуждения.

Есть и второе важное отличие. В капиталистическом обществе, где существует частная собственность на средства производства, новая идея может быть внедрена в практику в ограниченной области с помощью небольших ресурсов. Поэтому таким людям, как Фултон и Белл, удалось осуществить свои планы, над которыми смеялось большинство их современников. Но социальные изменения можно осуществить только с помощью мероприятий, которые нуждаются в поддержке большинства. Сторонник свободной торговли не может заниматься свободной торговлей при поддержке нескольких друзей, небольшая изолированная группа сторонников мира не может установить мир. Для того чтобы заставить работать социальные доктрины, необходима поддержка общественного мнения. Для того чтобы общество функционировало удовлетворительно, десятки миллионов людей, путешествующих по железным дорогам и слушающих радиопередачи, ничего не зная о том, как строятся и эксплуатируются железные дороги или как работает радио, должны разобраться в несравнимо более сложных проблемах общественного сотрудничества. Все зависит от того, какое решение примет огромная масса малообразованных людей, которым не нравится много думать и размышлять, инертных и с трудом воспринимающих новые сложные идеи. Ход событий определяется их доктринальными убеждениями,

какими бы грубыми и наивными они ни были. Состояние общества является результатом доктрин, которые считают правильными массы обычных людей, а не теорий, поддерживаемых небольшой группой передовых мыслителей.

Повсеместно считается, что причиной конфликта социальных идей является столкновение групповых интересов. Если бы эта теория была правильной, то перспективы человеческого сотрудничества выглядели бы безнадежными. Если единство не может быть достигнуто по причине ли того, что правильно понимаемые интересы людей противостоят друг другу, или потому что интересы общества антагонистичны интересам индивидов, то никогда не могут быть достигнуты ни прочный мир, ни дружественное сотрудничество между людьми. Тогда нынешнее состояние цивилизации, постулирующее мир, невозможно поддерживать, и человечество обречено. В таком случае правы были нацисты, считавшие войну единственно нормальной, естественной и желательной формой человеческого взаимодействия. В таком случае правы большевики, которые не спорят со своими оппонентами, а истребляют их. В таком случае западная цивилизация — не что иное, как бесстыдная ложь, а ее достижения, как утверждал Вернер Зомбарт, — работа дьявола.

Следует понять, что проблемы общества являются результатом состояния социальных доктрин. Необходимо рассмотреть вопрос, возможно ли представить такое состояние организации общества, которое считалось бы удовлетворительным с точки зрения — правильно понимаемых — интересов всех людей. Если ответ на этот вопрос будет отрицательным, тогда мы должны будем сделать вывод, что конфликты наших дней являются прелюдией к неизбежному распаду общества. Если, с другой стороны, ответ будет положительным, то мы должны будем задаться вопросом, какое состояние разума ведет к конфликтам в мире, где по меньшей мере представим другой результат.

В любом случае конфликты являются результатом доктрин. Даже те, кто считает, что конфликты являются неизбежным результатом реального и неустранимого антагонизма интересов, не отрицают, что, для того чтобы направ-

лять действия людей, эти реальные антагонизмы должны быть восприняты разумом. Человек может действовать в собственных интересах, только если он знает, в чем состоят его интересы и что следует делать для того, чтобы им способствовать. И марксисты, и националисты согласны с тем, что может существовать и существовало такое состояние умов, когда классы, нации и индивиды не осознают свои истинные интересы и придерживаются доктрин, которые причиняют вред их благополучию. Несмотря на то что они постоянно повторяют, что бытие в результате некоего мистического процесса порождает правильные идеи, за открытие которых они прославляют своих великих учителей, марксисты и националисты признают, что необходимо вести постоянную пропаганду, чтобы внушить людям доктрины, адекватные их бытию. Таким образом, они тоже признают, что конфликты порождаются доктринами, а не простым состоянием вещей.

Существует еще одно широко распространенное заблуждение, согласно которому люди благодаря своим врожденным качествам или благодаря среде предрасположены к определенному мировоззрению или философии. Люди, придерживающиеся различных философских учений, расходятся друг с другом по всем вопросам; их мнения не поддаются гармонизации; согласие недостижимо. Но это неверно. Все люди, независимо от своей партийной принадлежности, в этом мире желают одного и того же. Они стремятся защитить свою жизнь и жизнь членов своей семьи и улучшить свое материальное благополучие. Они сражаются друг с другом не потому, что стремятся достичь разных целей, а, наоборот, потому, что — стремясь к одной и той же цели — они полагают, что удовлетворение, которое может получить другой человек, может помешать им самим улучшить свое положение. Когда-то существовали аскеты, честно и полностью отказывавшиеся от любых мирских стремлений и довольствовавшиеся образом жизни рыбы в воде. Не имеет смысла подробно анализировать данный случай, потому что не эти редко встречающиеся святые развязывают борьбу за получение большей доли пищи и предметов роскоши. Когда

люди спорят по поводу социальных доктрин, они спорят не о мировоззрении, а о методах получения большего богатства и удовольствий. Все политические партии, действующие на исторической сцене, обещают своим последователям лучшую жизнь на Земле. Они утверждают, что жертвы, которых они требуют от своих сторонников, являются необходимыми средствами обретения большего богатства. Они говорят, что эти жертвы временны, и сравнивают их с инвестициями, которые принесут многократную прибыль. Конфликт доктрин есть спор о средствах, а не о конечных целях.

Политические конфликты являются следствием доктрин, утверждающих, что единственный способ достижения счастья — это причинение вреда другим людям или угроза применить насилие. С другой стороны, мира можно достичь только будучи убежденным, что мирное сотрудничество приводит к лучшим результатам, чем борьба друг с другом. Нацисты встали на путь завоевания, потому что их доктрины внушали им, что победоносная война необходима, чтобы сделать немецкий народ счастливым. В США жители пятидесяти штатов живут мирно, потому что их доктрина учит их, что мирное сотрудничество лучше соответствует их целям, чем война. Когда несколько сотен лет назад разум американцев находился во власти другой доктрины, это привело к кровопролитной войне.

Таким образом, основным предметом исторического исследования должно быть изучение социально-экономических и политических доктрин. Создание законов и конституций, организация политических партий и армий, подписание или нарушение договоров, мирная жизнь или развязывание войны и революции — не что иное, как применение людьми этих доктрин. Мы рождаемся в мире, сформированном доктринами. Мы живем в среде, которая постоянно видоизменяется под влиянием изменяющихся доктрин. Действием этих доктрин определяется судьба каждого человека. Мы засеваем поле, но результат наших трудов зависит не только от воли Господа; получаемый нами урожай в не меньшей степени зависит от поведения других людей, а их поведение определяется доктринами.

V. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ДОКТРИН

Оценка различных доктрин с точки зрения предвзятых убеждений и личных предпочтений не входит в задачи научного исследования. Мы не имеем права судить идеи других людей по меркам нашей морали. Мы должны исключить из наших рассуждений рассмотрение конечных целей и ценностей. Не дело науки предписывать людям, в чем состоит их главное благо и к чему им следует стремиться. Изучая доктрины, мы должны применять только один стандарт. Мы должны задать вопрос, приведет ли их применение на практике к достижению тех целей, которых люди желают достичь. Мы должны исследовать пригодность доктрин с точки зрения тех, кто применяет их для достижения вполне определенных целей. Мы должны выяснить, соответствуют ли они целям, которым призваны служить.

Мы не верим в то, что есть люди, которые буквально понимают старый принцип *fiat justitia pereat mundus*⁴. На самом деле они хотят сказать: *fiat justitia ne pereat mundus*⁵. Они не желают разрушить общество с помощью закона. Но если бы существовали люди, которые считали бы конечной целью своих усилий разрушение цивилизации и низведение человечества до уровня неандертальцев, то мы также проверяли бы их доктрины на соответствие их конечной цели. При этом мы могли бы добавить: вместе с подавляющим большинством людей мы не разделяем этого сумасшествия, мы желаем не разрушения, а усиления цивилизации и мы готовы защищать цивилизацию против нападков со стороны ее противников.

Существует и второй критерий, в соответствии с которым следует оценивать доктрину. Мы можем задать вопрос, является ли она логически последовательной или противоречивой. Но данная оценка является второстепенной и должна быть подчинена упомянутому выше критерию целесообразности. Противоречивая доктрина неверна только потому, что ее применение на практике не позволяет достигать поставленных целей.

Было бы ошибкой называть этот метод оценки доктрин прагматическим. Мы здесь не касаемся вопроса об истине.

Мы должны рассмотреть доктрину, т.е. рецепт действия; здесь неприменим никакой иной критерий, кроме выяснения, работает этот рецепт или не работает.

Столь же неверным было бы называть нашу точку зрения утилитаристской. Утилитаризм отверг все стандарты гетерономного морального закона, который надо принимать и выполнять независимо от того, к каким последствиям это приводит. С утилитаристской точки зрения деяние является преступлением, потому что его результаты вредны для общества, а не потому что какие-то люди верят, что слышат мистический голос, который называет это деяние преступлением. Мы не обсуждаем здесь проблемы этики.

Мы лишь обращаем внимание на то, что люди, которые не применяют адекватных средств, не достигнут целей, которых желают достичь.

VI. ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ И ПОПУЛЯРНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Любые попытки изучения человеческого поведения и исторических изменений должны принимать во внимание факт интеллектуального неравенства людей. Между философами и учеными, придумывающими новые идеи и разрабатывающими сложные учения, и недалекими тупицами, слабый интеллект которых не способен вместить даже простейших вещей, существует множество градаций и переходных этапов. Мы не знаем, что является причиной различий в интеллектуальных способностях; мы просто должны признать их существование. Непозволительно отделяться от них, объясняя их разницей окружения, личного опыта и образования. Лишь небольшая элита способна воспринимать изощренные цепочки рассуждений. Большинство людей демонстрируют полную беспомощность, сталкиваясь с более тонкими проблемами выявления подразумеваемых допущений или проблемами правильного вывода. Они не способны понять ничего, кроме простейших операций счета; математика им недоступна. Бесплезно знакомить их с колючими проблемами и с теориями, для понимания которых их нужно продумать.

Такие люди упрощают и огрубляют то, что они читают или слышат. Они искажают и неверно истолковывают утверждения и выводы. Любую теорию и доктрину они видоизменяют, чтобы адаптировать ее для своего уровня интеллекта.

Для кардинала Ньюмана и толпы верующих католицизм имеет неодинаковое значение. Эволюционная теория Дарвина отличается от ее популярной версии, сводящейся к тому, что человек произошел от обезьяны. Фрейдовский психоанализ не тождественен пансексуализму, его версии для миллионеров. Такой же дуализм верен и для социальных, экономических и политических доктрин. Все доктрины преподаются и усваиваются по крайней мере в двух различных, более того — противоречивых, версиях. Эзотерические и экзотерические учения разделяет непреодолимая пропасть.

Поскольку изучение доктрин не является целью само по себе, то популярным доктринам следует уделять не меньше внимания, чем доктринам философов и их книгам. Разумеется, популярные доктрины ведут свое происхождение от логически продуманных и совершенных теорий ученых. Они вторичны. Но так как для применения социальных доктрин требуется поддержка со стороны общественного мнения, а общественное мнение обращается главным образом к популярной версии доктрины, то изучение последней не менее важно, чем изучение совершенных концепций. Для истории популярный лозунг может служить более важным источником информации, чем идеи, сформулированные учеными. Некоторые популярные и общепринятые мнения являются столь противоречивыми и несостоятельными, что ни один серьезный мыслитель не рискнет представить их в систематическом виде. Но если такое мнение провоцирует действие, то для исторического исследования оно не менее важно, чем любая другая доктрина, применяемая на практике. История не должна ограничивать свое внимание только правильными доктринами или доктринами, всесторонне разработанными в научных работах; история должна изучать все доктрины, определяющие поведение людей.

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

I

История западной цивилизации — это история непрерывающейся борьбы за свободу.

Общественное сотрудничество в условиях разделения труда является главным и единственным условием успеха человека в борьбе за выживание и в стремлении улучшить свое материальное благосостояние. Но поскольку человеческая природа такова, какова она есть, общество не может существовать, если в нем не действуют законы, препятствующие «непослушным» совершать деяния, несовместимые с жизнедеятельностью общества. В целях сохранения мирного сотрудничества нужно быть готовым прибегнуть к насильственному подавлению того, кто нарушает спокойствие. Обществу не обойтись без аппарата принуждения, то есть без государства и правительства. Но здесь возникает другая проблема: ограничить полномочия людей, выполняющих правительственные функции, дабы они не вздумали злоупотребить властью и низвести остальных до положения рабов. Цель всякой борьбы за свободу — держать вооруженных защитников мира, правителей, полицейских в определенных границах. Политическое понятие свободы индивидуума означает: свобода от полицейского произвола.

Идея свободы всегда была характерна для Запада. Восток от Запада отличает прежде всего то, что народы Востока никогда не разрабатывали идею свободы. Непреходящая заслуга древних греков состоит в том, что они первыми поняли значение институтов, охраняющих свободу. Новейшие исторические изыскания позволяют установить происхождение некоторых научных достижений, которые прежде приписывались эллинам, из восточных источников. Однако идея свободы, бесспорно, зародилась в городах Древней Греции. Из трудов греческих философов и историков она перешла

к римлянам, а затем — к европейцам и американцам. Она стала основным пунктом всех представлений людей Запада о справедливо устроенном обществе. Именно она породила философию *laissez faire*, которой человек обязан всеми дотоле невиданными достижениями эпохи капитализма.

Цель всех современных политических и юридических институтов — оградить свободу индивидуума от посягательств со стороны правительства. Представительное правительство и правовое государство, независимость судов и трибуналов от вмешательства со стороны исполнительной власти, *habeas corpus*¹, судебное разбирательство и возмещение ущерба в случае незаконных действий исполнительной власти, свобода слова и прессы, отделение церкви от государства и многие другие институты преследовали всегда одну и ту же цель: ограничить всесилие должностных лиц и оградить индивидуума от произвола.

Эпоха капитализма освободила человека от всех пережитков рабства и крепостничества. Она покончила с жестокими расправами и свела наказания за преступления к минимуму, необходимому для того, чтобы отпугнуть нарушителя от совершения проступка. Она положила конец пыткам и другим недостойным методам обращения с подозреваемыми и преступниками. Она, наконец, отменила все привилегии и провозгласила равенство всех перед законом. Вчерашние подданные тиранов превратились, таким образом, в свободных граждан.

Материальные улучшения жизни явились результатом проведения этих реформ и новшеств в правительственной политике. Когда все привилегии были ликвидированы и каждому было предоставлено право вступить в соревнование с законными интересами других, это развязало руки тем, кто достаточно изобретателен, чтобы развивать новые отрасли промышленности, которые сегодня столь необходимы для нормальной жизнедеятельности. Население увеличилось, но даже увеличившись, оно стало жить лучше, чем предки.

В странах западной цивилизации также всегда были апологеты тирании, то есть полного произвола самодержца или аристократии, с одной стороны, и абсолютного бесправия

остального народа, с другой. Однако с эпохи Просвещения их число стало уменьшаться. Восторжествовало дело свободы. В начале XIX в. казалось, что остановить победное шествие принципа свободы невозможно. Самые выдающиеся философы и историки верили, что историческое развитие ведет к установлению институтов, гарантирующих свободу, и никакие ухищрения и козни сторонников рабства не способны воспрепятствовать тенденции к либерализации.

II

Касаясь вопроса либеральной социальной философии, часто упускают из виду важный фактор, который способствовал развитию идеи свободы, а именно исключительную роль, которая отводилась в воспитании элиты древнегреческой литературе. Среди греческих авторов были и сторонники всемогущей государственной власти как, например, Платон. Но основное содержание греческой идеологии составляло осуществление принципа свободы. Греческие полисы, если их сравнивать с современными социально-политическими институтами, были олигархиями. Свобода, которую государственные деятели, философы и историки воспевали как высшее благо человека, была привилегией меньшинства. Отказывая в свободе метекам и рабам, греки, по существу, выступали за деспотию наследственной касты олигархов. Однако было бы серьезной ошибкой считать, что их дифирамбы были неискренними. В восхвалении свободы и борьбы за нее они были не менее бесхитростны, чем те американские рабовладельцы, которые две тысячи лет спустя совершенно искренне и с готовностью поставили свои подписи под Декларацией Независимости. Именно политическая литература Древней Греции породила идеи тираноборцев², философию витгов, учения Альтузия, Гроция, Дж. Локка, создателей современных конституций и биллей о правах. Именно изучение классического наследия, основная отличительная черта образования в эпоху либерализма, не давало выветриться духу свободы в Англии времен Стюартов, во Франции времен Бурбонов и в Италии, раздираемой междоусобными распрями.

Никто иной, как Бисмарк, самый заклятый враг свободы среди всех государственных деятелей XIX в., признается, что даже в Пруссии Фридриха Вильгельма III оплотом республиканцев была гимназия*. Отчаянные попытки исключить классические штудии из программ либерального образования и таким образом уничтожить сам его дух явились одним из проявлений возрождающейся рабской идеологии.

Еще каких-нибудь сто лет назад мало кто мог предвидеть, какую мощную силу приобретут вскоре идеи, направленные против свободы. Казалось, идеалы свободы так прочно укоренились в сознании людей, что никакое движение вспять не смогло бы их уничтожить. Конечно, было бы бесполезно нападать на свободу открыто, призывать к возвращению в рабство. Но антилиберализм завладел умами людей, будучи заgrimирован под сверхлиберализм, то есть осуществление и воплощение самих идей свободы. Он пришел под личиной социализма, коммунизма, планирования.

Любому здравомыслящему человеку с самого начала было ясно, что цель апологетов социализма, коммунизма, планирования состоит в уничтожении свободы индивидуума и установлении всемогущества государственной власти. Однако большинство интеллектуалов, примкнувших к социалистам, было убеждено, что, выступая за социализм, они борются за свободу. Они называли себя «левыми» и «демократами», а в настоящее время они даже претендуют на то, чтобы именоваться «либералами».

Эти интеллектуалы и следующие за ними массы подсознательно явственно ощущали, что если не смогли выполнить свои далеко идущие честолюбивые планы, то лишь по собственной вине. Они просто оказались либо недостаточно умны, либо недостаточно изобретательны. Однако им очень не хотелось сознаваться в собственной бездарности ни себе самим, ни своим товарищам, лучше уж найти козла отпущения. Они убедили самих себя и попытались убедить других в том, что причина их неудач лежит не в них самих,

* См.: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1940. С. 1.

а в несправедливости экономической организации общества. При капитализме, утверждают они, только очень немногие имеют возможность самореализоваться. «В обществе, живущем по принципу *laissez faire*, свободы могут добиться только те, кто в состоянии ее купить»*. Следовательно, заключают они, государство должно вмешиваться в жизнь общества, чтобы вершить «социальную справедливость», то есть, по их представлениям, чтобы давать неудовлетворенной своим положением посредственностью «по потребностям».

III

До тех пор пока вопрос о социализме оставался лишь предметом теоретических споров, люди, не способные мыслить здраво и ясно, могли всерьез поверить, что при социалистическом режиме сохранение свободы возможно. Но эти иллюзии развеялись, когда опыт СССР показал всем, каковы условия жизни при социалистической системе. Отныне апологеты социализма вынуждены извращать самоочевидные факты и манипулировать словами, силясь доказать совместимость социализма и свободы.

Профессор Ласки — называвший себя «некоммунистом» и даже «антикоммунистом» — заявляет нам, что «в Советской России коммунист, несомненно, вполне ощущает свободу, но так же ясно он сознает и то, что в фашистской Италии у него этой свободы не будет»**. Действительно, русский имеет право подчиняться приказам своего начальства, но стоит ему хоть на одну сотую отклониться от «правильного» образа мысли, который определили власти предержавшие, он подвергается безжалостному уничтожению. Все политики, чиновники, писатели, музыканты, ученые, оказавшиеся жертвами «чистки», разумеется, не были антикоммунистами. Напротив, они были ярыми коммунистами, старыми членами партии, которым в знак признания их верности

* *Laski H.* Article «Liberty» in the «Encyclopaedia of the Social Sciences». Vol. IX. P. 443.

** *Ibid.*, p. 445—446.

советской идеологии верховное руководство доверило высокие посты. Их единственная вина состояла в том, что они не успели мгновенно подстроить свои идеи, политические взгляды, содержание своих книг и симфоний к идеям и вкусам Сталина. Трудно поверить, что все эти люди «вполне ощущали свободу», если только не придать слову «свобода» смысл, прямо противоположный тому, в котором оно обычно употребляется.

В фашистской Италии, конечно, никакой свободы не было вовсе. Она переняла пресловутый советский образец «однопартийности» и в полном соответствии с ним уничтожила всякое инакомыслие. Но даже в осуществлении этого принципа между большевиками и фашистами все же огромная разница. Так, например, жил в фашистской Италии бывший член парламентской группы депутатов-коммунистов профессор Антонио Грациадеи, оставшийся до смертного часа верным своим коммунистическим убеждениям. Как заслуженный профессор в отставке он получал правительственную пенсию и имел возможность публиковать в самых известных итальянских издательствах свои труды, являющиеся образчиками ортодоксального марксизма. Его несвобода была, по-видимому, менее жесткой, нежели свобода коммунистов в России, которые, по выражению Ласки, «несомненно, вполне ощущали свободу».

Профессор Ласки с особым удовольствием несколько раз повторяет известный трюизм о том, что свобода на практике означает всегда лишь свободу в рамках закона. Закон же, продолжает он, стремится «обеспечить незыблемость того образа жизни, который признается желательным теми, кто управляет государственной машиной»*. Именно так функционируют законы свободной страны: они защищают общество от попыток разжигания гражданской войны и насильственного свержения правительства. Но Ласки делает серьезную ошибку, заявляя, будто в капиталистическом обществе «стремление бедных радикально изменить имущественные права богатых сразу же ставит под угрозу все перспективы свободы».

* Ibid., p. 446.

Возьмем, к примеру, Карла Маркса, который, кстати, является кумиром самого профессора Ласки и его единомышленников. Когда в 1848—1849 гг. он принимал активное участие в организации и проведении революции (сначала в Пруссии, потом в других германских государствах), то — являясь по существу иностранцем — он был выдворен и переселился с женой, детьми и своей служанкой в Париж, а позже в Лондон*. Некоторое время спустя после того, как неудавшиеся революционеры были амнистированы, ему разрешили вернуться в любое место Германии, и он неоднократно пользовался этим разрешением. Отныне он не был изгнанником и добровольно избрал местом жительства Лондон**. Никто не препятствовал ему при основании Международного товарищества рабочих (1864 г.), организации, целью которой, как он сам признавался, была подготовка великой мировой революции. Никто не мешал ему в интересах этой организации ездить по европейским странам. Он преспокойно писал и издавал книги и статьи, которые, если использовать выражение Ласки, откровенно призывали к «радикальному изменению имущественных прав богатых». Маркс мирно почил в Лондоне, в своей квартире на Мэйтленд Парк-Роуд, 41, 14 марта 1883 г.

Или возьмем Британскую партию лейбористов. Их попытки «радикально изменить имущественные права богатых» — как хорошо известно самому профессору Ласки — никогда не встречали противодействия, несовместимого с принципом свободы.

Маркс, будучи оппозиционером, мог преспокойно жить, писать и призывать к революции в викторианской Англии, так же как и лейбористы могли беспрепятственно занимать-

* О деятельности Маркса в 1848—1849 гг. см.: Karl Marx, Chronik Seines Lebens in Einzeldaten (Карл Маркс, Хроника жизни в датах), изд. Института Маркса, Энгельса и Ленина в Москве, 1934, с. 43—81.

** В 1845 г. Маркс добровольно отказался от прусского гражданства. Позже, в начале 60-х годов, он собирался начать политическую карьеру в Пруссии, но просьба о возвращении ему гражданства не была удовлетворена, и, таким образом, карьера стала невозможна. По-видимому, именно это побудило его остаться в Лондоне.

ся политической деятельностью в послевикторианской Англии. В Советской России не потерпели бы ни малейшей оппозиции. Вот в чем разница между свободой и рабством.

IV

Те, кто критикует правовое и конституционное понятие свободы и институты, созданные для ее практического осуществления, правы в одном: защищенность индивидуума от произвола властей сама по себе недостаточна, чтобы сделать его свободным. Но подчеркивать эту бесспорную истину означает ломиться в открытую дверь. Никто из поборников свободы никогда и не утверждал, будто для обретения свободы достаточно гарантии от произвола властей. Единственное, что дает гражданину всю полноту свободы, которая только совместима с жизнью в обществе, — это рыночная экономика. Никакие конституции и билли о правах сами по себе не создают свободы. Они лишь защищают от посягательств полицейской власти ту свободу, которую дает индивидууму экономическая система, основанная на конкуренции.

При рыночной экономике каждый имеет возможность добиваться такого положения в структуре общественного разделения труда, какого он желает. Он волен выбирать профессию, в рамках которой он планирует оказывать услуги другим людям. Этого права у человека нет в условиях планового хозяйства. Здесь власти решают, чем человек будет заниматься. По их усмотрению он будет либо выдвинут на более высокий пост, либо, напротив, оставлен в прежней должности. Индивидуум целиком зависит от милости властей предрержащих. При капитализме же любой может вызвать на соревнование любого. Если тебе кажется, что ты можешь предложить людям товар лучшего качества или по более дешевой цене, чем другие, ты вправе доказать свои способности. Твоим планам не грозит отсутствие средств: капиталисты постоянно заинтересованы в людях, которые смогут с максимальной выгодой использовать их фонды. Успех деятельности бизнесмена зависит только от того, как

будут вести себя потребители, которые всегда покупают то, что им нравится больше всего.

Рабочий также не зависит от произвола нанимателя. Предприниматель, который не сможет нанять наиболее квалифицированных рабочих и удержать их достаточно высокой зарплатой от перехода в другие места, расплачивается за свою нерасторопность сокращением чистого дохода. Вербуя работников, наниматель отнюдь не оказывает им милость. Они для него такое же необходимое средство достижения успеха, как сырье или заводское оборудование. Рабочий же имеет возможность выбирать занятие, которое ему по душе.

В капиталистическом обществе не прекращается процесс социального отбора, определяющего положение и доход каждого индивидуума. Случается, что большие богатства уменьшаются и вовсе сходят на нет, в то время как люди, вчера еще бывшие бедняками, добиваются высокого положения и приобретают состояние. В условиях, когда ни у кого нет привилегий и правительство не защищает ничьи личные интересы от угрозы со стороны более работоспособных и деловитых новичков, тем, кто приобрел капитал, приходится каждый день отвоевывать его вновь и вновь в конкуренции с другими.

В рамках общественного сотрудничества при разделении труда каждый зависит от того, насколько высоко предлагаемые им услуги оцениваются потребителями, к которым, кстати сказать, принадлежит и он сам. Приобретая или, напротив, не приобретая товар или услуги, каждый как бы выступает членом верховного суда, присуждающим любому — не исключая и самого себя — определенное место в обществе. Каждый участвует в процессе определения размеров дохода каждого — у кого-то более высокого, у кого-то — более низкого. Любой вправе внести такой вклад в общее дело, за который общество вознаградит его более высоким заработком. Свобода при капитализме означает: ты зависишь от свободы действий других людей не больше, чем другие зависят от твоей свободы действий. Когда в производстве существует разделение труда и нет ничьей

абсолютной экономической автаркии, не может быть иной свободы, кроме этой.

Необходимо подчеркнуть, что основным аргумент в пользу капитализма и против социализма — даже не то, что социализм предполагает неприменимую ликвидацию всех «пережитков» свободы и превращение людей в полных рабов, а то, что социализм неосуществим как экономическая система, так как в социалистическом обществе исключается возможность экономического расчета. Поэтому социализм вообще нельзя рассматривать как систему экономической организации общества. Это — средство разрушения общественного сотрудничества, путь к бедности и хаосу.

V

Говоря о свободе, мы не касаемся основных экономических противоречий между капитализмом и социализмом. Отметим только, что европеец отличается от азиата именно тем, что он привык к свободе и сформирован ею. Цивилизации Китая, Японии, Индии, исламских стран Ближнего Востока даже до их знакомства с западным образом жизни нельзя, разумеется, считать цивилизациями варваров. Эти народы уже много столетий, даже тысячелетий тому назад добились огромных успехов в промышленности, архитектуре, литературе, философии и образовании. Они основывали могущественные империи. Однако позже их движение вперед остановилось, их культуры потеряли жизненность, и они разучились успешно справляться с экономическими проблемами. Их интеллектуальный и художественный гений сошел на нет, художники и писатели стали слепо копировать традиционные образцы, богословы, философы и юристы, все как один, занялись толкованием древних источников. Памятники, воздвигнутые некогда предками, рушились, империи распадались. Люди потеряли жизненную силу и равнодушно взирали на продолжающийся упадок и обнищание.

Философские работы и поэтические памятники народов древнего Востока могут соперничать с самыми ценными произведениями Запада. Однако вот уже в течение многих

веков на Востоке не появилось ни одной значительной книги. Интеллектуальная и литературная история нашего времени едва ли помнит имя какого-либо восточного автора. Восток перестал участвовать в интеллектуальных исканиях человечества. Ему так и остались чуждыми и непонятными проблемы и противоречия, волновавшие Запад. Европа бурлила, на Востоке царили застой, лень и равнодушие.

Причина такого положения ясна. На Востоке не было самого важного: идеи свободы человека от государства. Восток никогда не поднимал знамени свободы, не пытался противопоставить права индивидуума власти правителей. Никто здесь не возмущался произволом тиранов и поэтому, естественно, не разрабатывал юридические уложения, которые защищали бы имущество граждан от конфискации по прихоти тирана. Напротив, введенные в заблуждение мыслью о том, что богатство одних является причиной нищеты других, люди даже одобряли обычай тиранов отбирать у наиболее удачливых купцов их имущество. Это исключало крупные накопления капитала и закрывало путь к тем преимуществам, которые возникали при наличии значительных капиталовложений. Это препятствовало возникновению «буржуазии» и, следовательно, появлению людей, способных покровительствовать писателям, художникам, изобретателям.

Выходцам из народа были отрезаны все пути к продвижению, кроме одного: добиться чего-либо можно было только службой князьям. Западное общество было сообществом индивидуумов, соревнующихся в борьбе за высшие награды, восточное — сборищем подданных, целиком зависящих от милости царя. Энергичный молодой человек на Западе смотрит на мир как на поле своей деятельности, где он может добиться всего: известности, почестей, богатства — для его честолюбия нет ничего недостижимого. Его ровесник, вялый и расслабленный юноша Востока, способен только повторить путь, предписываемый средой. Благородная уверенность в себе, присущая европейцу, нашла блестящее выражение в Софокловском хоровом гимне в «Антигоне», воспевающим человека и его предприимчивость,

в Девятой симфонии Бетховена. Ничто подобное никогда не звучало на Востоке.

Мыслимо ли, чтобы потомки людей, создавших европейскую цивилизацию, отказались от свободы и добровольно отдали себя во власть всемогущего государства? Чтобы они согласились быть винтиками в гигантской машине, изобретенной и приводимой в движение всемогущим вождем? Неужели по примеру остановившихся в своем развитии цивилизаций они откажутся от идеалов, ради достижения которых была принесена не одна тысяча жертв?

Ruere in servitium, они погрузились в рабство, печально констатировал Тацит, говоря о римлянах времен Тиберия.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

I

В конце XVIII в. существовало два понятия свободы. Оба они отличались от того, что мы имеем в виду сегодня, когда говорим о политической и личной свободе.

Одна концепция была чисто академичной и не находила никакого применения в политике. Она была извлечена из книг античных авторов, изучение которых в то время было самой сутью высшего образования. Древнегреческие и древнеримские мыслители не считали, что свободу следовало предоставлять всем людям. Она была привилегией меньшинства, большинству в ней было отказано. В свете современной терминологии, то, что древние греки называли демократией, не являлось тем, что Линкольн называл властью народа. Это была олигархия — власть полноправных граждан в обществе, основную массу которого составляли метеки и рабы. Однако уже с IV в. до н. э. философы, историки и ораторы даже эту весьма ограниченную свободу не рассматривали в качестве практически осуществимого конституционного института. Они считали ее частью безнадежно утерянного прошлого. Они оплакивали ушедший золотой век, но не знали, как его вернуть.

Второе понятие свободы было не менее олигархическим, хотя и не было связано ни с какими литературными реминисценциями. Оно представляло собой стремление земельной (и порой городской) аристократии оберегать свои привилегии от набирающего силу королевского абсолютизма. На большей части континентальной Европы государи одержали победу в данном конфликте. Только в Англии и Нидерландах джентри и городские аристократы сумели нанести поражение династиям. Но то, чего они добились, было свободой не для всех. Это была свобода для элиты, для меньшинства народа.

Нельзя обвинять в лицемерии людей, восхвалявших тогда свободу и в то же время ограничивавших правоспособность большинства, не говоря уже о сохранении крепостничества

и рабства. Они столкнулись с проблемой, удовлетворительного решения которой найти не могли. Для постоянно растущего населения традиционная система производства была слишком тесной. Увеличивалось число людей, для которых в рамках докапиталистических методов ведения сельского хозяйства и ремесленного производства, в полном смысле слова не оставалось места. Лишние люди становились голодающими бедняками. Они представляли собой угрозу для сохранения существующего общественного порядка, и длительное время никто не мог придумать иного порядка — положения дел, при котором можно было бы накормить всех этих несчастных. Не могло идти и речи о том, чтобы предоставить им полные гражданские права, не говоря уже об участии в управлении государством. Правителям было известно только одно средство — применение силы для подавления протестов.

II

Докапиталистическая система производства была ограничительной. Исторически в ее основе лежало завоевание. Победившие короли жаловали землю свои рыцарям. Эти аристократы были господами в буквальном смысле слова, поскольку они не зависели от покровительства потребителей, покупающих или воздерживающихся от покупок на рынке. С другой стороны, они сами являлись главными потребителями продукции организованных в гильдии обрабатывающих отраслей. Корпоративная структура гильдий противостояла любым новшествам. Она не позволяла отклоняться от традиционных методов производства. Даже в сельском хозяйстве и в кустарных ремеслах количество рабочих мест было ограниченным. В таких условиях, как говорил Мальтус, многие обнаруживают, что «им нет места на этом грандиозном празднике природы» и что «им следует удалиться»*. Тем не менее некоторым из этих отверженных удавалось выживать, обзаводиться детьми и все больше и больше

* *Malthus T. R. An Essay on the Principle of Population. 2nd ed. London, 1803. P. 531.*

увеличивать численность бедняков, не имеющих в жизни никаких перспектив.

И вот пришел капитализм. Принято считать, что основным новшеством капитализма стала замена примитивных и неэффективных методов производства в ремесленных мастерских на механическую фабрику. Это весьма поверхностный взгляд. Характерной особенностью капитализма, отличающей его от докапиталистических методов производства, стал новый принцип реализации готовой продукции. Капитализм — не просто массовое производство, а массовое производство для удовлетворения потребностей масс. Кустарные ремесла старого доброго времени обслуживали только состоятельных людей, а фабрики производили дешевую продукцию для массового потребителя. Оказалось, что все первые фабрики были предназначены для обслуживания широких масс, тех слоев населения, которые работали на фабриках. Они снабжали их товарами либо прямо, либо косвенно, экспортируя свою продукцию, и тем самым обеспечивали потребителей зарубежными продуктами питания и сырьем. Этот принцип сбыта является автографом как современного, так и раннего капитализма. Сами работники потребляли большую часть всех производимых товаров. Они являлись суверенными потребителями, которые «всегда правы». Покупая или воздерживаясь от покупки, они определяли что следует произвести, в каком количестве, какого качества. Покупая то, что лучше всего подходит им, одним предприятиям они позволяли получать прибыли и побуждали их расширяться, а других вынуждали терять деньги и сокращать производство. Тем самым потребители постоянно передают контроль над факторами производства в руки тех коммерсантов, которые лучше всего удовлетворяют их нужды. При капитализме частная собственность на средства производства является общественной функцией. Предприниматели, капиталисты и землевладельцы являются, так сказать, доверенными лицами потребителей, причем их мандат может быть аннулирован. Чтобы быть богатым, недостаточно обладать однажды сбереженным и накопленным капиталом. Его необходимо постоянно инвестировать в направлениях,

лучше всего отвечающих желаниям потребителей. Рыночный процесс — это ежедневно повторяющийся плебисцит. Он непрерывно прореживает ряды людей, получающих прибыль, неумолимо отсеивая тех, кто не использует свою собственность в соответствии с распоряжениями, отдаваемыми потребителями. Большой бизнес, объект фанатической ненависти со стороны всех современных правительств и самозванных интеллектуалов, обретает и сохраняет свои масштабы только потому, что работает на массы. Заводы, снабжающие предметами роскоши немногих, никогда не станут крупными. Историки и политики XIX в. не понимали, что основными потребителями продукции промышленности были рабочие. По их мнению, наемные рабочие трудились исключительно на благо паразитического праздного класса. Они ошибочно полагали, что работа на фабриках отрицательно сказывается на доле работников физического труда. Если бы они обратились к статистике, то легко обнаружили бы ошибочность своего мнения. Детская смертность снизилась, средняя продолжительность жизни увеличилась, численность населения сильно возросла, средний простой человек наслаждается комфортом, о котором состоятельные люди более ранних эпох не могли и мечтать.

Однако беспрецедентное обогащение масс было всего лишь побочным продуктом промышленной революции. Ее главное достижение состояло в передаче экономического господства от землевладельцев всему населению. Простой человек перестал быть тружеником, вынужденным довольствоваться остатками с барского стола. Три касты отверженных, характерные для докапиталистических эпох, — рабы, крепостные и люди, которых авторы святоотеческой и схоластической литературы, а также английское законодательство XVI—XIX вв. именовали «бедными», — исчезли. Их потомки в новой экономической обстановке стали не просто свободными рабочими, но и потребителями. Это радикальное изменение нашло отражение в том, какую важность бизнес придает рынкам. Первое, в чем нуждается бизнес, — это рынки и еще раз рынки. Это — девиз капиталистического предпринимательства. Рынки подразумевают клиентов, покупателей,

потребителей. При капитализме есть только один путь к богатству: обслуживать потребителей лучше и дешевле, чем это делают другие.

В стенах мастерской или фабрики боссом является владелец (в корпорациях — представитель акционеров, президент). Но это лишь видимое, условное главенство. Оно подчинено господству потребителей. Потребитель является королем, реальным боссом, а производитель не имеет шансов выжить, если не превзойдет своих конкурентов в обслуживании потребителей.

Это было крупное экономическое преобразование, которое изменило облик мира. Довольно скоро политическая власть была передана из рук привилегированного меньшинства в руки народа. За обретением экономических прав последовало предоставление гражданских и политических прав. Простой человек, которому рыночный процесс дал право выбирать предпринимателей и капиталистов, приобрел аналогичную власть в сфере государственного управления. Простой человек превратился в избирателя.

Выдающиеся экономисты заметили (я думаю, что первым это сделал Фрэнк Феттер), что рынок является демократией, при которой каждая пенни дает право голоса. Правильнее было бы сказать, что представительная власть народа является попыткой организовать конституционное устройство в соответствии с моделью рынка, правда, этот замысел не был полностью реализован. В политической сфере верх всегда одерживает большинство, а меньшинство должно подчиняться большинству. Рынок же обслуживает и меньшинство, при условии что оно не слишком незначительно. Швейная промышленность производит одежду не только для нормальных людей, но и для полных, а издательства печатают не только вестерны и детективы для толпы, но и книги для более разборчивых читателей. Есть еще одно важное отличие. В политической сфере человек или небольшая группа людей не могут не подчиниться воле большинства. Но в интеллектуальной сфере частная собственность делает возможным мятеж. Бунтарь должен платить за свою независимость определенную цену. В этом мире нет призов, которые можно

завоевать, не жертвуя ничем. Однако если человек готов платить цену, он волен отклониться от господствующей ортодоксии или неоортодоксии. Какова была бы судьба таких еретиков, как Кьеркегор, Шопенгауэр, Веблен или Фрейд, в социалистическом обществе? А как обстояло бы дело с Моне, Курбе, Уолтом Уитменом, Рильке, Кафкой? Во все времена пионеры, создающие новые образы мышления и манеры поведения, могли работать только потому, что частная собственность делала возможным презрительное отношение к образу мышления и манерам поведения большинства. Немногие из этих раскольников сами были достаточно экономически независимыми, чтобы открыто не повиноваться господствующему мнению большинства. Но в условиях свободной экономики они нашли людей, готовых помогать им и содержать их. Что делал бы Маркс без своего покровителя, фабриканта Фридриха Энгельса?

III

Неспособность социалистов осознать суверенитет потребителя в рыночной экономике полностью обесценивает экономическую критику ими капитализма. Они видят лишь иерархическую организационную структуру предприятий и планов и не могут понять, что прибыль побуждает бизнес служить потребителям. Профсоюзы строят свои отношения с работодателями так, словно менеджмент (как они это называют) не платит более высокую зарплату исключительно из злого умысла и алчности. Они близоручко не замечают ничего вне стен фабрики. Они и их сторонники говорят о концентрации экономической власти, не понимая, что экономическая власть в конечном счете принадлежит покупателям, подавляющее большинство которых составляют сами наемные работники. Их неспособность адекватно понять положение вещей находит отражение в таких неуместных метафорах, как «промышленный король» или «промышленный барон». Они слишком тупы, чтобы видеть разницу между суверенным королем или бароном, сместить которого может только более сильный

завоеватель, и «шоколадным королем», который лишится своего «королевства» как только потребители предпочтут стать клиентами другого производителя. Это передергивание лежит в основе всех социалистических планов. Попробуйся любой из социалистических лидеров заработать на жизнь, продавая хот-доги, он кое-что узнал бы о суверенитете потребителя. Но они были профессиональными революционерами, и их единственной работой было разжигание гражданской войны. Идеалом Ленина было организовать национальное производство по образцу почты, учреждения, не зависящего от потребителей, поскольку дефицит ее бюджета покрывался принудительным сбором налогов. «Все общество, — говорил он, — станет одним предприятием и одной фабрикой»*. Он не понимал, что характер фабрики полностью изменится, как только она станет единственной в мире, и у людей больше не будет возможности осуществлять выбор из товаров и услуг различных предприятий. Не понимая, какую роль при капитализме играют потребители и рынок, он не мог видеть разницы между свободой и рабством. Поскольку в рабочих Ленин видел только рабочих и упускал из виду, что одновременно они являются потребителями, он считал, что при капитализме они уже являются рабами, и их статус не изменится, когда все заводы и фабрики будут национализированы. Суверенитет потребителя социализм заменяет на суверенитет диктатора или комитета диктаторов. Вместе с экономическим суверенитетом граждане теряют и политический суверенитет. Единственному производственному плану, отменяющему всякое планирование со стороны потребителей, в политической сфере соответствует принцип однопартийности, лишаяющий граждан всякой возможности планировать ход политических событий. Свобода неделима. Человек, не имеющий права осуществлять выбор из различных марок консервов или мыла, также лишен права делать выбор из различных политических партий и программ,

* Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

а также избирать должностных лиц. Он больше не является человеком; он становится пешкой в руках верховного социального инженера. Даже его свобода выращивать потомство будет отнята евгеникой. Разумеется, социалистические лидеры иногда уверяют нас, что диктатура тирании устанавливается только на период перехода от капитализма и представительного правления к социалистическому тысячелетнему царству, в котором все потребности и желания будут полностью удовлетворены*. Мисс Джоан Робинсон, видный представитель британской неокембриджской школы, любезно обещает, что как только социалистический режим будет «в достаточной степени защищен от критики», будет разрешено существование «даже независимых филармонических обществ»**. Таким образом, ликвидация всех несогласных является условием того, что коммунисты называют свободой. В свете этого становится понятным, что имел в виду другой известный англичанин, м-р Дж. Кроутер, когда хвалил инквизицию, говоря, что она «приносит пользу науке, когда защищает восходящий класс»***. Смысл сказанного понятен. Когда все люди будут смиренно поклоняться диктатору, то несогласных уже не останется, и никого не нужно будет ликвидировать. Калигула, Торквемада, Робеспьер согласились бы с таким решением.

Социалисты произвели семантическую революцию, изменив смысл слов на противоположный. В словаре их «новояза», как его называл Оруэлл, есть термин «принцип однопартийности». Этимологически слово «партия» происходит от существительного «часть». Партия, не имеющая собрата, не отличается от своего антонима — целого; она тождественна ему. Партия, не имеющая собрата, не является партией, а принцип однопартийности по существу является принципом беспартийности. Это принцип подавления оппозиции

*Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 23

** *Robinson J.* Private Enterprise and Public Control. Published for the Association for Education in Citizenship by the English Universities Press, Ltd., s.d. P. 13—14.

*** *Crowther J. G.* Social Relations of Science. London, 1941. P. 333..

в любой форме. Свобода подразумевает наличие права выбора между согласием и несогласием. Но на новоязе свобода означает обязанность безоговорочно соглашаться и строгий запрет на несогласие. Изменение традиционного смысла политической терминологии характерно не только для языка русских коммунистов и их фашистских и нацистских последователей. Общественный порядок, отменяющий частную собственность на средства производства, лишая потребителей автономии и независимости, а тем самым подчиняя каждого человека произволу центрального планового совета, не смог бы обрести поддержку масс, если бы не замаскировал свою суть. Социалисты не смогли бы одурачить избирателей, если бы открыто заявили, что их главная цель — обратить людей в рабство. На публике они вынуждены были лицемерно превозносить свободу.

IV

В эзотерических дискуссиях в кругу глубоко законспирированных активистов их речи звучали совершенно иначе. Здесь посвященные не скрывали своих намерений относительно свободы. По их мнению, свобода, безусловно, была благом в прошлом, в рамках буржуазного общества, так как давала возможность реализовывать свои планы. Но после победы социализма свобода мысли и действий людям будет не нужна. Любое изменение будет отклонением от совершенного состояния человечества, достигшего социалистического счастья. При таких условиях было бы безумием терпеть инакомыслящих.

Свобода, говорят большевики, это буржуазный предрассудок. Простой человек не имеет своих идей; он не пишет книг, не создает еретических теорий, не изобретает новых методов производства. Он хочет лишь наслаждаться жизнью. Ему нет никакой пользы от классовых интересов интеллектуалов, которые зарабатывают себе на жизнь как профессиональные инакомыслящие и новаторы. Более презрительно-го отношения к простому человеку придумать невозможно. Нет необходимости оспаривать эту точку зрения. Вопрос не

в том, может ли простой человек сам воспользоваться свободой мыслить, говорить и писать книги. Вопрос в том, могут ли инертные рутинеры получить выгоду от свободы, предоставленной тем, кто затмевает их умом и силой воли. Простой человек может безразлично относиться к делам более способных людей и даже осуждать их. Однако он с удовольствием пользуется всеми выгодами, порождаемыми усилиями новаторов. Он не вдается в подробности того, что на его взгляд является излишней казуистикой. Но как только предприимчивые бизнесмены применяют мысли и теории новаторов для удовлетворения скрытых потребностей простого человека, он спешит купить новые товары. Вне всяких сомнений, наибольшую выгоду от достижений современной науки и технологии получает простой человек.

Верно то, что человек средних умственных способностей не имеет возможностей попасть в ряды капитанов индустрии. Но суверенитет в экономических делах, обеспечиваемый ему рынком, стимулирует технологов и предпринимателей обращать ему на пользу все достижения научных исследований. Этот факт могут не замечать только люди, умственный горизонт которых не выходит за рамки внутренней организационной структуры фабрики и которые не понимают, что заставляет бизнесмена шевелиться.

Поклонники советской системы постоянно повторяют нам, что свобода не является высшим благом. Что ею «не стоит обладать», если она подразумевает нищету. Пожертвовать свободой для достижения благосостояния масс совершенно оправданно. В России счастливы все, исключая горстку непокорных индивидуалистов, не способных адаптироваться к образу жизни рядовых граждан. Мы не будем обсуждать вопрос, распространялось ли счастье на миллионы умерших от голода украинских крестьян, заключенных трудовых лагерей, подвергнувшихся чистке марксистских вождей. Но мы не можем пройти мимо того, что в свободных странах Запада уровень жизни несравненно выше, чем на коммунистическом Востоке. Отказавшись от свободы в качестве платы за достижение процветания, русские заключили неудачную сделку. Сейчас у них нет ни того, ни другого.

V

Романтическая философия развивалась под влиянием иллюзии, что на заре истории человек был свободен и что историческая эволюция лишила его изначальной свободы. Жан-Жак Руссо считал, что природа даровала человеку свободу, а общество сделало его рабом. В действительности первобытный человек был незащищен перед любым, кто был сильнее его и мог отобрать скудные средства к существованию. В природе нет ничего, что можно было бы назвать свободой. Концепцию свободы можно приложить только к общественным отношениям между людьми. Верно и то, что в обществе невозможно реализовать призрачную концепцию абсолютной независимости индивида. В рамках общества каждый человек зависит от того, какой вклад в его благосостояние готовы внести другие люди в обмен на его вклад в их благосостояние. Сущностью общества является взаимный обмен услугами. Люди являются свободными только в той степени, в какой они имеют возможность выбирать. Они лишены свободы, если вынуждены соглашаться с условиями обмена, подчиняясь насилию или под угрозой насилия. И не имеет значения, как они сами к этому относятся. Раб несвободен именно потому, что его обязанности определяет хозяин, устанавливая при этом вознаграждение за их исполнение.

У правительства, общественного аппарата подавления и сдерживания нет ничего общего со свободой. Суть правительства — отрицание свободы. Правительство — это применение насилия или угрозы применить насилие с целью заставить всех людей подчиняться правительству, нравится им это или нет. Там, куда распространяется юрисдикция правительства, существует принуждение, а не свобода. Правительство — институт необходимый. Это средство сделать функционирование общественной системы сотрудничества гладким, оградить его от насильственных действий со стороны отечественных или иностранных бандитов. Правительство не является, как любят говорить некоторые, необходимым злом; оно является не злом, а средством, единственным средством, способным сделать возможным мирное сосуществование

людей. Но правительство является противоположностью свободы. Правительство — это избиение, заключение в тюрьму, смертная казнь. Что бы ни делало государство, в конечном счете оно опирается на действия вооруженной полиции. Если государство управляет школами или больницами, то необходимые для этого средства собираются при помощи налогов, то есть платежей, взысканных с граждан.

Если учитывать, что (исходя из природы человека) без правительственного аппарата насильственных действий не было бы ни цивилизации, ни мира, то мы можем назвать правительство самым полезным человеческим институтом. Но факт остается фактом: правительство — это подавление, а не свобода. Свободу следует искать только в сфере, в которую правительство не вмешивается. Политическая свобода — это всегда свобода от правительства и ограничение правительственного вмешательства. Она существует только в тех областях, где граждане имеют возможность выбирать образ действий. Гражданские права — это законодательные акты, точно очерчивающие сферу, в которой людям, занимающимся государственными делами, разрешено ограничивать свободу действий людей.

Учреждая правительство, люди в конечном счете преследовали одну цель — сделать возможным функционирование определенной системы общественного сотрудничества, основанной на разделении труда. Если люди желают жить в условиях такой общественной системы, как социализм (коммунизм, планирование), то сферы свободы не существует. Все граждане в любом отношении подчинены декретам правительства. Государство является тотальным государством, а режим — тоталитарным. Государство само планирует и принуждает всех действовать в соответствии с его единственным в своем роде планом. В рыночной экономике люди вольны выбирать способ, которым они желают интегрироваться в структуру общественного сотрудничества. Спонтанные действия индивидов имеют место только там, куда простирается область рыночного обмена. В этой системе, называемой *laissez faire*, которую Фердинанд Лассаль обозвал государством — ночным сторожем, свобода имеется, потому

что есть сфера, в которой люди свободны строить собственные планы.

Социалистам следует признать, что в социалистической системе не может быть никакой свободы. Вместо этого они стараются стереть различия между рабским государством и экономической свободой, отрицая наличие свободы во взаимном обмене товарами и услугами на рынке. Любой рыночный обмен рассматривается представителями просоциалистической правовой школы как «обуздание свободы других людей». На их взгляд, нет никакой разницы между уплатой налогов или штрафов, налагаемых судьей, и покупкой газеты или билета в кино. Во всех этих случаях человек подчиняется власти правительства. Он не свободен, поскольку, как утверждает профессор Хэйл, свобода означает «отсутствие всяких препятствий для пользования материальными благами»*. Это означает: я не свободен, поскольку женщина, купившая свитер (возможно, в подарок мужу на день рождения), создает препятствие, мешающее мне воспользоваться им. Я сам ограничиваю свободу всех остальных людей, потому что возражаю против того, чтобы они пользовались моей зубной щеткой. Согласно данной доктрине, делая это, я использую частную правящую власть, аналогичную государственной власти правительства, власти, которую правительство использует, когда помещает человека в тюрьму Синг-Синг.

Сторонники этой удивительной доктрины делают логичный вывод, что свободы нет нигде. Они утверждают, что то, что они называют экономическим давлением, по существу не отличается от давления, оказываемого хозяином на своих рабов. Отвергая то, что они называют частной правительственной властью, они не возражают против ограничения свободы, осуществляемого публичной правительственной властью. Они хотят сконцентрировать все, что они называют ограничениями свободы, в руках правительства. Они критикуют институт частной собственности и законы,

* *Hale R. L. Freedom Through Law, Public Control of Private Governing Power. New York: Columbia University, 1952. P. 4 ff.*

которые, по их словам, стоят «на страже прав собственности — то есть отрицают свободу тех, чьи действия направлены на их нарушение»*.

Не так давно все домашние хозяйки варили суп, руководствуясь рецептами, которые они узнали от своих матерей или вычитали из поваренной книги. Сегодня многие хозяйки предпочитают покупать консервированный суп, чтобы только разогреть его и подать на стол. Однако, говорят наши ученые доктора наук, компания-производитель в состоянии ограничить свободу домохозяек, потому что, устанавливая цену на консервы, они препятствуют их использованию. Люди, не имевшие привилегии учиться у таких видных учителей, сказали бы, что консервированные продукты произведены консервным заводом и что, производя их, компания устраняет самое большое препятствие, мешающее потребителю получить и съесть консервы, их несуществование. Запах продукта не сможет никого удовлетворить, если продукт не будет существовать. Но ученые говорят этим людям, что они не правы. Корпорации доминируют над домохозяйкой, избыточной концентрацией власти разрушая ее индивидуальную свободу. И обязанность правительства — помешать злоупотреблениям. Корпорации следует подчинить контролю правительства, пишет (при содействии Фонда Форда, одной из этих групп) профессор Бёрли**.

Почему наша домохозяйка покупает консервированные продукты, а не придерживается рецептов своей матери и бабушки? Несомненно потому, что считает этот образ действий более выгодным для себя, чем следование традиционным образцам. Ее никто не принуждает. Одни люди — их называют маклерами, дельцами, капиталистами, спекулянтами, биржевыми игроками, — стремясь удовлетворить скрытое желание миллионов домохозяек, осуществили инвестиции в консервную отрасль. Другие, столь же эгоистичные капиталисты в сотнях других корпораций снабжают

* Ibid., p. 5.

** *Berle A. A., Jr. Economic Power and the Free Society, a Preliminary Discussion of the Corporation.* New York: The Fund for the Republic, 1954.

потребителей сотнями других вещей. Чем лучше корпорация обслуживает народ, чем больше потребителей она привлекает, тем значительнее становятся ее размеры. Зайдите в дом средней американской семьи и вы увидите ради кого крутятся шестеренки этих машин.

В свободном обществе никому не препятствуют приобретать богатство путем предоставления потребителям более качественных услуг, чем они имеют сегодня. От человека требуются только его мозги и тяжелая работа. «В основе современной цивилизации, почти всех цивилизаций, — говорит Эдвин Кеннан, последний из длинного ряда выдающихся британских экономистов, — лежит принцип, в соответствии с которым положение тех, кто угождает рынку, становится приятным, а положение тех, у кого это не получается, — неприятным»*. Все разговоры о концентрации экономической власти беспредметны. Чем крупнее корпорация, чем больше людей она обслуживает, тем больше она зависит от удовлетворения потребителей, масс, народа. В рыночной экономике экономическая власть находится в руках потребителей.

Капиталистический бизнес — это не удержание однажды достигнутого состояния производства. Скорее, это непрекращающиеся нововведения, постоянно повторяющиеся попытки предложить потребителям новые, более качественные и более дешевые продукты. Любое реальное состояние производства является преходящим явлением. Существует постоянная тенденция замещения того, что уже достигнуто, чем-то другим, что лучше служит потребителям. Следовательно, при капитализме постоянно происходит смена элит. Отличительное свойство людей, которых называют капитанами производства, — порождать новые идеи и заставлять их работать. Какой бы крупной ни была корпорация, она обречена, как только она перестанет справляться с задачей ежедневно адаптироваться к наилучшим методам обслуживания потребителей. Но политики и другие воображающие себя реформаторами видят только сегодняшнюю структурную организацию промышленности. Они полагают, что

* *Cannan E. An Economist's Protest. London, 1928. P. VI ff.*

достаточно умны для того, чтобы отобрать у бизнеса контроль над заводами в том виде, в каком они существуют сегодня, и управлять ими, придерживаясь заданного направления. В то время как честолюбивые новички, которые станут магнатами завтра, уже разрабатывают планы осуществления неслыханных проектов, реформаторы собираются следовать проторенным путем. До сих пор не зарегистрировано ни одного случая, когда бы бюрократы придумали и осуществили какое-либо промышленное новшество. Чтобы не скатиться к стагнации, необходимо освободить руки тем не известным сегодня людям, которые обладают достаточной изобретательностью, чтобы вести человечество вперед по пути все более и более удовлетворительных условий жизни. Это основная проблема экономической организации любой страны.

Частная собственность на материальные факторы производства не является ограничением свободы всех остальных людей выбирать то, что подходит им лучше всего. Напротив, она является средством, которое дает в руки простого человека как покупателя верховенство во всех экономических делах. Это средство, побуждающее наиболее предприимчивых людей страны направлять все свои способности на удовлетворение потребностей всего народа.

VI

Однако перечень радикальных перемен, привнесенных в жизнь простого человека капитализмом, будет неполным, если мы отметим только главенство простого человека на рынке в роли потребителя и в государственных делах в роли избирателя и факт беспрецедентного повышения его уровня жизни. Не менее важным является то, что капитализм дал ему возможность делать сбережения, накапливать и вкладывать капитал. Пропасть, разделяющая в докапиталистическом сословно-кастовом обществе владельцев собственности и бедняков, не имеющих за душой ни гроша, сходит на нет. В прежние времена поденщик получал столь мизерную плату, что едва ли мог что-то отложить, а если и делал это, то мог осуществлять сбережения только путем

тезаврирования и припрятывания нескольких монет. При капитализме квалификация позволяет ему делать сбережения, и существуют институты, позволяющие ему вкладывать свои средства в дело. Существенная часть капитала, используемого в американской промышленности, представляет собой сбережения наемных работников. Приобретая сберегательные депозиты, страховые полисы, акции и облигации, рабочие и служащие сами получают проценты и дивиденды и, следовательно, согласно марксизму, являются эксплуататорами. Простой человек прямо заинтересован в расцвете бизнеса не только как потребитель и работник, но и как инвестор. Резкая граница, некогда разделявшая тех, кто владеет факторами производства, и тех, кто их не имеет, постепенно стирается. Несомненно, эта тенденция может формироваться только в рыночной экономике, не подрываемой так называемой социальной политикой. Государство благосостояния с его методами легких денег, кредитной экспансии и незамаскированной инфляцией постоянно съедает кусочки от требований, оплачиваемых законным платежным средством страны. Самозванные защитники простого человека все еще руководствуются устаревшей идеей, утверждающей, что политика, благоволящая должникам в ущерб кредиторам, весьма выгодна большинству. Их неспособность понять суть рыночной экономики проявляется также в том, что они не видят очевидного: те, кому они якобы помогают, выступая в роли сберегателей, владельцев полисов и облигаций, являются кредиторами.

VII

Индивидуализм — отличительная особенность западной социальной философии. Его цель — в создании сферы, в которой индивид свободен думать, выбирать и действовать, не наталкиваясь на ограничивающее вмешательство государства, общественного аппарата сдерживания и принуждения. Все духовные и материальные достижения западной цивилизации были результатом проведения в жизнь этой идеи свободы.

Эта доктрина и ее применение в сфере экономической жизни — политика индивидуализма и капитализма — не нуждается в апологетах и пропагандистах. Достижения говорят сами за себя.

Аргументы в пользу капитализма и частной собственности основаны (помимо других соображений) также и на не имеющей аналогов эффективности производства. Именно благодаря своей эффективности капиталистическое производство обеспечивает средствами к существованию быстро растущее население при постоянном повышении уровня жизни. Постоянно растущее благосостояние масс создает социальное окружение, в котором исключительно одаренные люди свободны отдавать своим согражданам все, на что они способны. Общественная система частной собственности и ограниченного правительства — единственная система, оказывающая цивилизующее воздействие на тех, кто обладает врожденной способностью приобретать внутреннюю культуру.

Бесполезно преуменьшать материальные достижения капитализма, указывая на то, что есть вещи, более важные для человечества, чем более быстрые машины и дома, оборудованные центральным отоплением, кондиционерами, холодильниками, стиральными машинами и телевизорами. Безусловно, такие высшие и благородные устремления существуют. Однако они являются высшими и благородными именно потому, что их нельзя достичь какими-либо внешними усилиями, они требуют личной самоотдачи и напряжения. Те, кто выдвигает подобные упреки в адрес капитализма, скорее демонстрируют крайне грубые и материалистические взгляды, полагая, что нравственную и духовную культуру можно создать при помощи правительства или путем создания соответствующей организационной структуры производства. Внешние факторы могут лишь создать среду и знания, дающие людям возможность совершенствовать свою личность и интеллект. Капитализм не виноват в том, что массы предпочитают бокс постановке «Антигоны» Софокла, джаз — симфониям Бетховена, комиксы — поэзии. Однако очевидно, что в то время как в условиях

докапиталистической экономики, преобладающей в настоящее время на большей части планеты, высшие блага доступны лишь незначительному меньшинству, капитализм каждому предоставляет шанс стремиться к ним.

С какой точки зрения ни смотри на капитализм, нет никаких причин сожалеть об уходе некоего старого доброго времени. Еще меньше оснований тосковать по тоталитарным утопиям, будь то нацистского или советского типа.

Сегодня мы торжественно открыли девятую конференцию Общества Мон-Пелерен. По этому случаю уместно напомнить, что такого рода собрания, на которых высказываются мнения, противоречащие мнению большинства наших современников и их правительств, возможны только в атмосфере личной и политической свободы, являющейся наиболее точной характеристикой западной цивилизации. Давайте надеяться, что право на несогласие никогда не исчезнет.

ли манчестерской школы выступали резко против войны и империализма, проповедуя мирные отношения между народами.

В книге «Всемогущее правительство» Мизес написал: «На сегодняшний день нет другой системы, способной обеспечить надежную координацию мирных усилий народов и отдельных людей, кроме так называемого манчестеризма».

См.: Бастиа Ф. Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2002.

Мизес Л. Роль доктрин в человеческой истории

Статья была написана в 1949 или 1950 году и впервые опубликована в: Mises L. *Money, Method, and the Market Process*. Auburn, Ala: The Ludwig von Mises Institute, Norwell, Mass.: Kluwer Academic Publishers, 1990.

¹ *Генрих IV* (1555—1610) — король Франции с 1589 г. (фактически — с 1594 г.), первый из династии Бурбонов, король Наварры. Во время религиозных войн — глава гугенотов. В 1593 г. принял католичество и вступил в Париж. Нантским эдиктом предоставил гугенотам свободу вероисповедания и многие привилегии.

² *Граф Шамбор* (1820—1883) — герцог Бордо, последний представитель старой династии Бурбонов, после 1830 г. рассматривался легитимистами как законный претендент на французский престол. В своем Манифесте 5 июля 1871 г. он провозгласил: «Франция призывает меня и я приду к ней с моей преданностью моим принципам и моему знамени... Единственная жертва, которую я не могу принести ей [родине], это пожертвовать моей честью... Я не позволю вырвать из моих рук знамя Генриха IV, Франциска I и Жанны д'Арк... Французы, Генрих V не могут отказаться от белого знамени Генриха IV»... 24 мая 1873 г. Тьер вышел в отставку и президентство перешло к маршалу Мак-Магону, на которого роялисты вполне могли рассчитывать. К 5 августа все было подготовлено для восстановления монархии. Комиссия десяти, назначенная Национальным собранием, выработала формулу, которая гласила, что «трехцветное знамя сохраняется. Оно может быть изменено лишь посредством соглашения короля и собрания». Но в конце октября появилось письмо графа Шамбора, в котором он решительно высказался за белое знамя и против требования каких-либо гарантий с его стороны при предложении ему власти. Это письмо явилось фактическим отречением графа Шамбора. Вскоре Национальным собранием был

принят закон о септеннате, т.е. о семилетней продолжительности полномочий маршала Мак-Магона. В 1875 г. Национальное собрание приняло республиканскую форму правления.

³ *Individuum est ineffabile* (лат.) — неделимое невыразимо.

⁴ *Fiat justitia pereat mundus* (лат.) — да свершится правосудие, [пусть даже] погибнет мир (ставшее крылатым выражение, служившее девизом германского императора Фердинанда I (1503—1564)).

⁵ *Fiat justitia ne pereat mundus* (лат.) — да свершится правосудие, и да не погибнет мир.

Мизес Л. Идея свободы родилась на Западе

Статья впервые опубликована в: *American Affairs* (October 1950). Перепечатана в: *Mises L. Money, Method, and the Market Process*. Auburn, Ala: The Ludwig von Mises Institute, Norwell, Mass.: Kluwer Academic Publishers, 1990. Включена в книгу «Anticapitalistic Mentality» (1956) как параграфы 4 и 5 главы 4.

Печатается по: Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 215—122.

¹ *Habeas corpus* (лат.) — дословно: «право на распоряжение своим телом». В английской юриспруденции термин, обозначающий право каждого заключенного под стражу по обвинению в совершении преступления требовать подтверждения судьей правомерности его ареста.

² *Тираноборцы* (*монархомахи*) — писатели-публицисты в Западной Европе второй половины XVI — начала XVII вв., высказывавшиеся против королевского абсолютизма. Монархомахи отрицали божественное происхождение королевской власти, доказывали, что суверенитет принадлежит народу, который по договору передает власть монарху и имеет право свергнуть его, если он нарушит условия договора (и тем самым превратится в «тирана»), и даже убить его. Однако в то время их идеи не имели успеха, и к середине XVII в. в качестве превалирующей формы правления в Европе утвердилась абсолютная монархия.

Мизес Л. Свобода и собственность

Лекция, прочитанная Л. фон Мизесом в Принстонском университете в октябре 1950 г. на 9-м заседании Общества Мон-Пелерин. Издана в виде брошюры Институтом Мизеса (Оберн, шт. Алабама) в 1991 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамсон, Роберт 208
Амилиус, Й. П. xi
Аристотель 18, 27
- Бастиа, Фредерик 97, 209
Белл, Александр Грэм 227
Бём-Баверк, Ойген 208
Бенн, Эрнст 210
Бентам, Иеремия 3, 30, 207
Бёрли, Адольф 259
Бетховен Людвиг ван 245, 263
Бисмарк, Отто VII х, 214, 237
Бройль, Луи де 222
Буркхардт, Якоб 56
- Веббы, Сидней и Беатрис 185
Веблен, Торстейн 251
Верийн-Стюарт 208
Визе, Леопольд фон 209
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
40–41, 61
Гейзенберг, Вернер 222
Гёте, Иоганн Вольфганг 15, 18, 36,
104, 114, 208
Гитлер, Адольф 47
Гобхаус, Леонард Трелони 209
Гогенцоллерны 74
Госсен, Герман Генрих 208
Грациадеи, Антонио 239
Гроций, Гуго 236
Гумбольдт, Вильгельм фон 3, 30,
208
- Дарвин, Чарльз 233
Декарт, Рене 220, 223
Джеванс, Уильям Стенли 223
Достоевский, Ф. М. 163
- Жид, Шарль 210
- Зомбарт, Вернер 228
Зульцбах, Вальтер 210
- Изуле, Жан 210
- Калигула 253
Кант, Иммануил 30
Кafka, Франц 251
Кеннан, Эдвин 260
Клейн-Хаттинген, Оскар 210
Кобден, Ричард 30
Кроутер, Дж. 253
Курбе, Гюстав 251
Кьеркегор, Серен 251
- Лавуазье, Антуан 227
Ласки, Гарольд 238–239, 240
Лассаль, Фердинанд 40, 74, 208,
214, 257
Ленин, В. И. 22, 47, 49, 163, 252
Локк, Джон 236
Людендорф, Эрих 47
- Макивер, Р. М. 210
Мальтус, Томас 247
Маркс, Карл 18, 93, 173–174, 189–
190, 196–197, 208, 240, 251, 253
Менгер, Карл 208, 227
Мизес, Людвиг фон 210
Милль, Джон Стюарт 207–208
Моне, Клод 251
- Наполеон I 29
Наполеон, Луи 74
Ниаринг, Скотт 210
Ницше, Фридрих Вильгельм 61
- Оруэлл, Джордж 253
Освальт, Г. 208
Платон 223

Мизес Л. фон. Либерализм

Рикардо, Давид 4, 141, 142, 173, 208, 227

Рильке, Райнер Мария 251

Рист, Шарль 210

Робеспьер, Максимилиан 253

Робинсон, Джоан 253

Руджеро, Гвидо де 210

Рузвельт, Франклин х

Руссо, Жан-Жак 256

Селигмен, Эдвин 210

Смит, Адам 4, 207

Софокл 244, 263

Сталин, И. В. 239

Тацит, Публий Корнелий 245

Толстой, Л. Н. 163

Торквемада 253

Троцкий, Л. Д. 18, 47, 49

Тэн, Ипполит 218

Уизерс, Хартли 210

Уитмен, Уолт 251

Феттер, Фрэнк 250

Фома Аквинский 223

Фрейд, Зигмунд 15, 16, 118, 233, 251

Фридрих-Вильгельм III 237

Фурье, Шарль 14–16

Хейл, Р. Л. 258

Хёрст, Франсис 210

Холландер, Джейкоб 209

Шац, Альберт 210

Шеллинг, Фридрих Вильгельм 61

Шиллер, Иоганн 36, 208

Шмоллер, Густав 74

Шопенгауэр, Артур 251

Энгельс, Фридрих 208, 240, 251

Юм, Давид 4, 207, 227

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютизм 131, 246
Австралия, иммиграция 149–150
Австрия 46, 85, 115
Автаркия 48, 153, 156–157, 199, 243
Аграрные партии 49–50, 177, 179–180
Анархизм 39
Англия 153, 155, 236
– война 29, 115, 123
– империализм 131, 133
– либерализм ix, 1, 209–210
– образование 123
– парламентаризм 181
– торговая политика 133, 144
Антилиберализм ix–x. См. *тж*
Либерализм
– лейбористы 240
– личности 237
– особые интересы 170–172
– программа 2
– проедание капитала 195
– психологические корни 14–19
– свободная торговля 145
– семантическая революция 239, 253
– частная собственность 196, 258
Аскетизм, аскеты 5, 205, 229
Атавизм 43

Балканы 131
Бедность 203
Бельгийское Конго 138
Бельгия, империализм 133
Ближний Восток 243
Богатство 33–36, 64, 70
Большевики 88, 49, 52, 53–54, 162–163, 196, 228, 254

Большинства и меньшинства
– правило 46–47, 122, 180
Бюрократия 103–112, 261

Веймарская конституция 209
Верования, популярные 232–233
Веротерпимость 59–61
Версальский договор 224
Виги 236
Внешняя политика 55, 113–164
Внутренняя политика 113
Войны
– классовая борьба 174–175
– милитаризм 155, 161–162
– мир 22, 25–30, 113, 118–120, 130–131
– наполеоновские ix, 158
– насилие 52
– нацистская доктрина 172, 228
– Первая мировая ix, x, 1, 30, 50, 118–119, 130
– причины 164
– разделение труда 27–28
– результаты 29
– торговля 29
– частная собственность 119

Габсбургская монархия 131
Гармония интересов 176
Германия 118, 156
– внешняя политика 113–115
– государство 40, 61–62
– демократия 46
– империализм 130, 133
– либерализм 208–209, 213
– образование 123
– объединение и война 131
– рейхстаг 213
– торговая политика 144
– партия центра 190

Мизес Л. фон. Либерализм

- чиновники 42
- эмиграция 144
- Гильдии 247
- Государственное управление 105–106
- Государство (правительство)
 - анархистское 39–40
 - антиобщественное поведение 61–63
 - аппарат принуждения 234, 256–258
 - благосостояния 262
 - бюрократическое 103–112
 - всемогущее 237, 245
 - государство (state) 37–42
 - гражданское 225
 - границы 113–116, 127, 154
 - демократическое 42 сл.
 - деспотическое 126
 - диктаторское 69, 126–127
 - задача 55 сл.
 - империалистическое 130–134
 - интервенционизм 67, 68, 81–91, 196
 - колониальная политика 134–139
 - монополии 97–103
 - националистическое 114, 147, 154
 - образование 122–123
 - ограничения 55–59, 235, 257, 263
 - парламентаризм 181–186
 - правило большинства и меньшинства 46–47, 122, 180
 - престиж 42
 - принадлежность к 42
 - сила 45–50
 - собственность 72–75, 244
 - тотальное 257
 - фашистское 50–55
 - функция 125
 - цены 82, 101
- Гражданские права 30, 31, 247, 250, 257
- Границы государства 113–116
- Греция Древняя 43, 236
- Групповые интересы 228
- Группы особых интересов 170, 175–178, 181, 186–191, 194
- Дарвинизм 58
- Декларация Независимости 236
- Демократия 42–45, 47, 213, 250
- Диктатура 69, 127
- Доктринерство либералов 165–168
- Доктрины
 - конфликт 224, 227–229, 230
 - опыт 221–224
 - политические проблемы 224–232
 - пропаганда 229
 - разрушительные 220, 231
 - социальная роль 319–221
 - целесообразность 231–232
 - эзотерические 232–233
- Доходы (неравенство) 33–36, 242
- Евгеника 253
- Европа 29, 120, 133, 152–158, 191, 225
- Железные дороги 212
- Жертва 9, 36–37
- Закон, законы
 - иммиграционные 148–149
 - либерализм 31, 127–128
 - международное право 158
 - нравственный 37, 232
 - о минимальной заработной плате 85, 88, 91
 - парламентский 181 сл.
 - писанный 128
 - равенство перед 31, 235
 - свободной страны 241
- Заработная плата фиксированная 83, 85, 88, 91
- Земля 20–21

- Идеология** 212, 213
- Иммиграция** 87, 146–152
- Империализм** 130–134
- Индивидуализм** 262
- Индивидуальность** 220
- Индия** 243
- Интервенционизм** 67, 68, 81–91, 196
- Испания** 152
- Историзм** 222
- Италия** 118, 151
- империализм 133
 - фашистская 52, 237
- Капитализм**
- будущее 201–206
 - доходы (неравенство) 33–36, 65
 - индивидуализм 262
 - либерализм 10–14, 195–200
 - организация общества 91–97
 - потребление 11–12, 34–35, 247
 - расчет экономический 76–77, 104–105, 198
 - рыночная экономика 82–83, 98, 105, 241–242, 248, 260
 - свобода 235, 242–243
 - смена элит 260
 - сотрудничество 64
 - тариф таможенный 120
 - эмиграция 132
- Картели** 97–103
- Кастовое общество** 168–169, 261
- Католицизм** 233
- Китай** 153, 123
- Классовые привилегии** 31, 173–176
- Колониальная политика** 134–139
- Коммунизм** 50–51, 121, 235; см. также Россия; Социализм
- Конгресс, представляющий особые интересы** 181–186
- Континентальная система** 29
- Конфликт**
- общественный 227–229
 - политический 230
- Коридора проблема** 121
- Корпорации** 259–260
- Латвия** 116
- Либерализм**
- анархизм 40
 - английский 1, 209–209
 - антиобщественное поведение 61–63
 - будущее 201–206
 - введение 1–19
 - (веро)терпимость 59–61
 - внешняя политика 113–164
 - внутренняя политика 113
 - государство и правительство 37–42, 235
 - демократия 42–45
 - доктрина 165–168, 235
 - закон 31, 128
 - идеология 212
 - империализм 130
 - капитализм 10–14, 195–200
 - картели и монополии 97–103
 - литература о 207–210
 - материализм 3–5
 - мир 25–30
 - немецкий 208–209, 213
 - образование 122–123
 - ограниченное государство 55–59, 113, 154, 235, 257, 263
 - оппоненты 2, 14 сл., 95, 176–177, 191
 - определение 21
 - оптимизм 95
 - особые интересы 175, 186–191
 - партия капитала 195–200
 - политические партии 165–206
 - равенство 30–33
 - рационализм 5–7
 - свобода 22–25
 - свободная торговля 142
 - социализм 41, 188
 - термин 211–214
 - упадок 165

- фашизм 50–55
- философия 236
- цель 8–10
- частная собственность 21, 36–33
- экономическая политика 29, 64–112
- этика 36–37
- Либеральная политика 20–63, 165
- Лига Наций 138, 158–161
- Литва 116
- Манчестеризм 212
- Марксизм 17–18, 172–173, 189, 196, 219, 229, 238–239, 262
- Материализм 4–5, 93, 153, 202, 218
- Международное товарищество рабочих 240
- Международные экономические отношения 29
- Миграция 132, 140–141, 149–150
- Милитаризм 30, 155–161; см. также Война
- Мир 22, 25–30, 113, 118–120, 139–130
- Мистицизм 7, 61
- Монополии 97–103
- Наркотики 38
- Насилие 234
- Наука 219, 223, 226
- Национализм 114, 126–130, 147, 154–155, 213–214, 225
- Невроз 14
- Неолиберализм 30
- Неравенство, интеллектуальное 232
- Новый курс x, 232
- Нравственность 36, 57–58
- Образование 122–123, 237
- Общественное мнение 227, 233
- Общественные науки 223
- Однопартийности принцип 252
- Олигархия 236, 246
- Организация общества 6–7, 36, 42, 64, 66–67, 91–97, 158, 163, 186
- Панамериканский союз 156
- Парламентаризм 181–186
- Партии особых интересов 186–191
- Партийная пропаганда и партийная организация 191–195
- Партия капитала 195–200
- Передвижения, свобода 146–152
- Планирование 237
- Поведение
 - мысль и 217, 219
 - теории 218, 232
 - управляющие идеи 123, 129–130
- Позитивизм 222
- Политические партии 1, 165–206, 204, 253
- Польша 116, 118, 129, 131, 151
- Потребление 11–12, 34–35
- Потребление массовое 247
- Праксиология 232
- Предпринимательство 13, 104, 198–199. См. тж Капитализм
- Прибыль и убыток 104
- Природа 20–21
- Проблемы исторического исследования 217, 219, 225, 230
- Проедание капитала 195
- Производство 79–80, 97–98, 140
 - докапиталистическое 246, 264
 - массовое 247
- Промышленная революция 249
- Пропаганда 12–13, 172, 191–195, 198–199
- Просвещения эпоха ix, 30, 191, 236
- Протекционизм 98, 118, 121, 139–140, 141–142, 144–146, 147, 148–149, 153, 156–157

- Профессиональные классы 193–194, 254
- Профсоюзы 88–89, 147, 252
- Процветание 2
- Пруссия 74, 115, 237, 240
- Псевдodemократическая теория государства 43
- Псевдолибералы 211
- Психоанализ 233
- Психология 14–19
- Рабство** 23
- Распределение 67, 69
- Расчет экономический 76–77, 104–105, 198
- Рационализм 5–7, 14
- Рейхстаг 213
- Римляне древние 245
- Роскошь 34
- Россия 153, 155
- большевики 47, 49–50, 52, 54, 161–163, 196
 - коммунистическая 52
 - марксизм 17, 172, 196
 - милитаристская 161–164
 - опыт СССР 228
 - Российская империя 116
- Рыночная экономика 82–83, 98, 105, 241–242, 248, 436. См. тж Капитализм
- Рыночный процесс 248
- Самоопределение** 116–118
- Свобода.** См. тж Капитализм; Либерализм
- борьба за 22–25, 234
 - буржуазный предрассудок х, 22, 254
 - Запад и Восток 235, 243
 - и программа либерализма 21
 - конституционное понятие 241
 - корпорации 259–260
 - общественные отношения 256
 - право выбора 253, 256
- Свободная торговля 139–146, 227
- Семантическая революция 238–239, 253
- Силезия 122
- Силы доктрина 42–50
- Синдикализм 66
- Собственность**
- антилиберализм 238–239
 - в интеллектуальной сфере 251–252
 - война 118
 - государство 72–75, 244
 - защитники 212
 - критики 68–72
 - либеральная политика 20–63
 - общественная 21, 79–80, 104
 - распределение 67, 69
 - сохранение 33
 - социалистическая 196–197
 - частная 71 сл., 64 сл., 68–72, 80, 91, 221, 227, 248, 251, 261, 263
 - этика 36–37
- Соединенные Штаты. См. США
- Соединенные Штаты Европы 152–158
- Солидарность интересов 176–177
- Сословное общество 168, 261
- Сотрудничество**
- законы 20
 - международное 153–154
 - мирное 40, 59, 113, 173
 - общественное, в условиях разделения труда 21, 34, 36–37, 39, 91, 105, 153, 226, 227, 241–242, 257
- Социал-демократы 46, 50, 213–214
- Социализм** 237
- группы особых интересов 186–191
 - интеллектуалы 237, 254
 - либерализм 41, 186
 - научный 17
 - неосуществимость 75–81, 242
 - определение 21
 - опыт СССР 238–239

Мизес Л. фон. Либерализм

- организация общества 238
- проблемы 80–81
- равенство 31–32
- распределение 69
- свобода 258
- фашизм 54
- частная собственность 196
- Социальная политика 262
- Социальный отбор 242
- Специализация 29, 98
- Среда, среды
 - доктрины 225
 - теория 218
 - условия 218
- Средние века 10, 32, 92, 202, 204
- Стационарная экономика 204
- Суверенитет
 - потребителя 248–252, 260
 - экономический 255
- Суд 235
- Сухой закон 56
- США ix–x, 148–150, 152–153, 155

- Тарифы протекционистские 66, 139–140, 153, 179
- Теория общей среды 218
- Технология 66, 76–77, 79, 219
- Тираноборцы 236
- Торговая политика 144
- Торговля 29, 87–88, 119–120, 137, 139–146
- Третий Интернационал 50
- Труд
 - безработица 89
 - бюрократический 103–112
 - война и мир 27–28
 - заработная плата, фиксирование 85, 88–89, 90
 - миграция 132, 140–141, 149–150
 - сотрудничество 21
 - производство 79–80, 97–98, 140–141
 - профсоюзы 88–89, 147, 252
 - разделение 21, 27–28
 - специализация 29, 98
- Уровень жизни 2, 11, 202, 226, 249, 255, 262
- Утилитаризм 232
- Учет издержек 104 сл.

- Факты**
 - интерпретация 221, 223
 - общественные науки и 221
 - социальные 221–224
- Фашизм 50–55, 238, 239
- Франция 115, 123, 129, 133, 232, 236
- Фурье, комплекс 14–16

- Цезаризм 74
- Цены 82–83, 101
- Цивилизация 3, 20, 27, 52–53, 101, 64, 68, 94, 115, 132, 134, 152, 161, 201, 221, 231, 234, 236, 260, 262

- Чехословакия 151

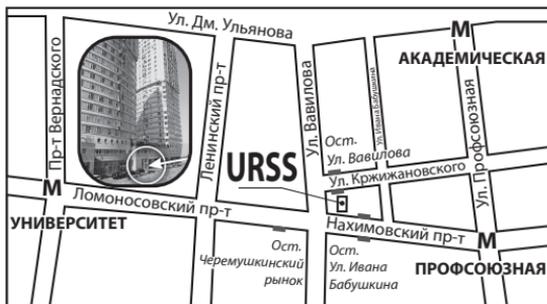
- Швейцария 118
- Шлезвиг-Гольштейн 131
- Шовинизм 155

- Экономическая политика 29, 64–112, 158, 204
- Экономическая теория 225, 226
- Экспериментальный метод 221–222, 226
- Эльзас 121
- Эмиграция 144
- Эмпиризм 222
- Эпистемология 226
- Этика, и частная собственность 36–37

- Япония 243
- Sozialpolitik x

В Москве книги издательства «Социум»
можно купить в магазине издательства URSS:

9³⁰–18³⁰ Пн–Пт
12⁰⁰–18⁰⁰ Сб–Вс
Нахимовский пр-т, д. 56
Тел. (499) 724-25-45

От м. Профсоюзная:

8 мин. пешком (до офиса) или одна остановка наземным транспортом:
автобусы №67, 37к, 130; троллейбус №43
до остановки «Ул. Ивана Бабушкина»

От м. Университет:

трамваи №14, 39 до остановки «Черемушкинский рынок»;
трамваи №22, 26 до остановки «Ул. Вавилова»;
автобусы №22, 26 до остановки «Ул. Ивана Бабушкина»

**Людвиг фон МИЗЕС
ЛИБЕРАЛИЗМ**

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 15,96.

ООО «ИД «Социум»
sotsium.ru ; тел. (495) 330-51-98

Раймондо Кубедду
ЛИБЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ
Политическая философия австрийской школы
(М. ; Челябинск : Социум, 2014. 406 с.)

Профессор политической философии в Пизанском университете Раймондо Кубедду посвятил свою книгу тому влиянию, которое интеллектуальная революция конца XIX в. оказала на все общественные науки, и в первую очередь на политическую философию и экономическую теорию. Именно тогда основатель австрийской экономической школы Карл Менгер заложил основы субъективистского подхода к теории ценности и, одновременно, эволюционной теории социальных институтов. Два великих последователя и соотечественника Менгера -- Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек, будучи не только экономистами, но и обществоведами в самом полном смысле этого слова, творчески развили идеи Менгера и разработали законченную социально-политическую теорию.

В книге анализируются методологические и теоретические основы подхода Менгера—Мизеса—Хайека к социальным наукам. Автор изложил результаты анализа важнейших политических проблем XX века: социализма и тоталитаризма, демократии и государственного вмешательства в жизнь общества. Отдельная глава посвящена философским основам либерализма.

Работа Р. Кубедду является систематическим и обобщающим изложением политической философии австрийской школы, выполненном на основе первоисточников, большинство которых уже переведено на русский язык.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся социальной и политической философией.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Методологические основания
2. Спор о методах и его наследство
3. Критика историзма
4. Критика сциентизма и конструктивистского рационализма

Глава 2. ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Проблема познания в социальных науках
2. Методологический индивидуализм
3. Эволюционизм, порядок и каталлактика

Глава 3. ОТ СОЦИАЛИЗМА К ТОТАЛИТАРИЗМУ

1. Философские и экономические источники
2. Критика социализма
3. Тоталитаризм

Глава 4. СУДЬБА ДЕМОКРАТИИ

1. Право и политика
2. Интервенционизм и судьба демократии
3. Мираж социальной справедливости

Глава 5. ЛИБЕРАЛИЗМ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

1. Философские основания австрийского либерализма
2. Мизес
3. Хайек
4. Эпилог

Дэвид Боуз
ЛИБЕРТАРИАНСТВО

История, принципы, политика

(М. ; Челябинск : Социум, 2013. 408 с. 32 цв. ил.)

Либертарианство — это политическая философия, выводящая принципы устройства общества из аксиомы самопринадлежности — права собственности человека на собственное тело. Исходя из убеждения, что человек сам должен распоряжаться своей жизнью и имуществом и имеет право самостоятельно решать, как ему жить, при условии, что он признает такое же право за другими людьми, либертарианцы отстаивают максимально широкие права личности и требуют сведения роли государства к необходимому минимуму — защите жизни и собственности граждан.

Автору удалось в популярной форме представить весь комплекс либертарианских идей в области философии, экономики и права в их историческом развитии. В книгу включены 32 цветные иллюстрации, освещающие основные вехи развития либертарианской традиции и выделяющие наиболее важные идеи.

1. Грядущая эра либертарианства
2. Корни либертарианства
3. Какие права у нас есть?
4. Человеческое достоинство
5. Плюрализм и веротерпимость
6. Право и конституция
7. Гражданское общество
8. Рыночный процесс
9. Природа большого правительства
10. Современные проблемы
11. Ответшавшее государство
12. Либертарианское будущее

Приложение. Являетесь ли вы либертарианцем?

Рекомендуемая литература

Комментарии

Именной указатель

Йорг Гвидо Хюльсманн
ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ ЛИБЕРАЛИЗМА

Жизнь и идеи Людвига фон Мизеса

(М. ; Челябинск : Социум, 2013. xvi + 879 с. Ил.)

Людвиг фон Мизес (1881—1973) — один из величайших мыслителей XX в., австрийский экономист, философ и политолог. С 1940 г. жил и работал в США. Наибольшую известность ему принесли сочинения по экономике. Мизес завершил разработку экономической теории австрийской школы (ведущей свое начало от К. Менгера и О. Бём-Баверка), превратив ее в общую теорию человеческой деятельности — праксеологию, отличающуюся от естественных наук, с одной стороны, и от истории — с другой.

Опираясь почти исключительно на архивные документы, Й. Г. Хюльсманн ведет подробное жизнеописание своего героя на богатом событиями историческом фоне первых двух третей XX в. Особое внимание уделяется интеллектуальному и идеологическому климату, в котором проходило вначале мировоззренческое становление Л. фон Мизеса, а затем его политическая и/или научно-преподавательская деятельность: Австро-Венгрия и Вена рубежа XIX—XX вв., межвоенная Европа, США 1940—1960-х годов, титанические битвы между социализмом/интервенционизмом и капитализмом, свободой и диктатурой, централизованным планированием и рынком, историзмом и австрийской школой, позитивизмом и праксеологией.

Почти треть книги составляет изложение теоретических взглядов Л. фон Мизеса в области экономики, эпистемологии социальных наук, политологии.

Книга содержит более 100 фотографий и обширный справочный аппарат, в том числе наиболее полный на настоящий момент список произведений Л. фон Мизеса.

Людвиг фон Мизес
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Интерпретация социально-экономической эволюции
(М. ; Челябинск : Социум, 2013. 484 с.)

Основной труд Л. фон Мизеса (1881—1973) в области теории познания и методологии. В нем содержится не только эпистемологические основы разработанного им методологического подхода к экономической теории, но и эпистемология и методология исторической науки. Дана яркая критика таких ложных альтернатив, как историзм и позитивизм. Автор проводит различие между философией истории — комплексом метафизических концепций — и философской интерпретацией истории. Показана несостоятельность марксистского диалектического материализма как одной из разновидностей философии истории. Дана глубокая оценка достижений и перспектив развития западной цивилизации, в основе которой демократия и рыночная экономика, показана нежизнеспособность социализма как системы, не имеющей в своем распоряжении методов экономического расчета.

Людвиг фон Мизес
ВСЕМОГУЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
Тотальное государство и тотальная война
(М. ; Челябинск : Социум, 2013. xii + 466 с.)

В книге представлена неотразимая критика политических, социальных и экономических идеологий, определявших историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требующегося для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотвратить надвигающуюся общеевропейскую катастрофу.

Мизес первым показал, что нацизм и фашизм представляют собой тоталитарные коллективистские системы, имея гораздо больше общего с коммунизмом, чем с капитализмом свободного рынка. Более того, они являются логическим следствием необузданного этатизма и милитаризма дофашистских обществ. В пропитанной марксизмом интеллектуальной атмосфере 1940-х годов установленная Мизесом связь фашизма с марксистским социализмом стала настоящим шоком.

Последняя глава содержит пророческую критику идеи мирового правительства, включая всемирные торговые соглашения. Особую актуальность для нашего времени представляет объяснение автором природы современного протекционизма как необходимого следствия вмешательства государства в экономику вообще и социального законодательства в особенности. Именно здесь корень проблем, которые сегодня парализовали переговоры о правилах «международной торговли» в рамках ВТО.